

Часть 2

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ЭТНИЧЕСКИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИЗЫВНИКОВ К СЛУЖБЕ В АРМИИ

Ж. Г. Агеева (Москва)

Особенности военной службы в современных условиях обусловлены рядом внешних (социально-экономическое реформирование общества) и внутренних (реорганизация армии в условиях ее резкого сокращения) причин.

Кризисное состояние экономики, сокращение бюджета на оборону привело к серьезному ухудшению материально-технического и финансового обеспечения войск. Существенным сдвигам подверглась система стимулов воинского труда, понижается социальный статус армии, престиж воинской службы в обществе – все это и многое другое превращает Вооруженные Силы в институт «социального риска». Среди военнослужащих растет доля лиц, имеющих незаконченное среднее образование и не получивших до службы в армии какой-либо специальности. Увеличивается количество заболеваний юношей призывного возраста, и среди этих заболеваний не только соматические, но и социально обусловленные (наркомания, СПИД и др.). В воинские коллективы вливается все больше молодежи, привносящей в ее среду нормы преступного мира. В контексте перечисленных выше причин изучение данной проблемы актуально в связи с необходимостью разработки теоретических основ изучения адаптации призывников к службе в армии, а также адекватных методик оценки и прогнозирования эффективности адаптации военнослужащих; необходимо рассмотреть и изучить специфику «этапности» процессов адаптации к воинской службе в современных условиях.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №07-06-00 287а.

На основании теоретического анализа результатов исследований в области социальной, медицинской, реабилитационной психологии, психологии личности и др., а также опираясь на субъектно-деятельностный и системно-динамический подходы, разрабатываемые в трудах К. А. Абульхановой, Б. Г. Ананьева, А. В. Брушлинского, Б. Ф. Ломова, В. Н. Мясищева, С. Л. Рубинштейна, Е. В. Шороховой и др., многие авторы, говоря о социально-психологической адаптации, имеют в виду не столько приспособление к стабильным характеристикам жизнедеятельности, сколько усвоение динамических особенностей образа жизни современного человека, которые являются основой его эмоционального благополучия и прогрессивного развития, основой принятия активной жизненной позиции в процессе социального самоопределения.

Изучение проблемы адаптации личности в среде предполагает определение широкого круга задач – изучение структуры процесса адаптации; разработку системы показателей адаптации; установление факторов, влияющих на процесс адаптации; определение сроков различных видов адаптации и др. Как активное приспособление человека к среде процесс адаптации связан с достижением равновесия между жизнедеятельностью личности и условиями среды. Равновесие между личностью и новой социальной средой заключается в оптимальном соответствии общественно-регламентированного поведения внутренней структуре личности. В качестве критериев равновесия выделяют уровень эффективности функционирования личности в различных сферах жизнедеятельности и уровень удовлетворенности личности различными аспектами и условиями деятельности в обществе. Достижение высокого уровня адаптации в среде не есть конечная цель, а есть основа для перехода к более высоким формам активности личности. Так, например, при изучении периодов адаптации специалистов было установлено, что это сложный процесс, связанный с существенными изменениями цели, характера, условий деятельности, социального окружения, статуса и ролей человека. Сложность процесса адаптации усугубляется многообразием сред адаптации. Социально-психологическая адаптация оценивается также как вхождение человека в систему внутригруппового отношения и приспособления к этим отношениям, выработку образцов мышления и поведения, которые отражают систему ценностей и норм данного производственного коллектива, приобретение, закрепление и развитие умений и навыков межличностного общения.

Проблема адаптации к воинской службе выступает как одно из основных направлений военно-психологических и смежных с ними

исследований. В 1970–80-х годах начали активно изучаться различные аспекты адаптации воинов: в экстремальных ситуациях; в ходе боевой деятельности; в условиях военной службы в разных видах Вооруженных Сил и родах войск; в связи с проблемой дисциплинированности молодых воинов; в условиях военных училищ и т. д. Понимание социально-психологической адаптации как процесса активного взаимодействия человека и среды, когда личность не только «подлаживается» под требования окружения, но и воздействует на него, вызывая тем самым изменения самой среды, позволяет наиболее адекватно представить всю сложность адаптации молодых солдат к воинской службе, управлять процессом их воспитания и сплочения воинских коллективов. От того, насколько быстро и эффективно будет осуществляться вхождение призывника в новые для него условия воинской службы, в новый коллектив, насколько прочны будут отношения между новичками и старослужащими воинами, во многом зависит успешность их совместной деятельности и в конечном итоге уровень адаптированности военнослужащих к службе в армии.

Адаптация призывников происходит во всех сферах деятельности воинского коллектива, определяется его личностными характеристиками, жизненным опытом, потребностно-мотивационной сферой. Спецификой социально-психологической адаптации в воинском коллективе является особая перестройка систем отношений в связи с тем, что взаимоотношения в коллективе носят своеобразный динамический характер. В современных условиях службы молодым людям приходится адаптироваться и усваивать сразу несколько видов норм (формальных, неформальных, привнесенных извне). В настоящее время остается достаточно острой потребность в разработке и реализации на практике методик изучения и эффективности воздействия на процесс адаптации воинов; постоянном контроле, прогнозировании и регулировании хода адаптации с учетом индивидуальных и социально-психологических особенностей молодых солдат.

КЛИПОВОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПСИХОЛОГИЮ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. В. Азаренок (Минск, Беларусь)

Формирование личности человека, его сознания неразрывно связано с социальными, политическими и экономическими процессами, имеющими место в современном изменяющемся мире. Под воздействием телевидения, компьютерных игр, Интернета и даже

современной литературы у большинства представителей молодого поколения формируется особый тип мышления и сознания, обозначаемый как клиповое сознание. Особенности данного типа сознания часто обсуждаются на всевозможных форумах. При этом основное внимание уделяется негативным последствиям исследуемого феномена. Попробуем разобраться в данной проблеме более детально.

Английское слово «*clip*», от которого и произошли термины «клиповое сознание, мышление, восприятие» и, наконец, «клиповая культура», в переводе означает фрагмент текста, отрывок из фильма или вырезку из газеты. Клип становится логическим завершением и наиболее эффективной реализацией принципа «монтажа аттракционов», который, согласно С. Эйзенштейну, заключается в подборе агрессивных средств, подвергающих зрителя чувственному или психологическому воздействию, опытно выверенному и математически рассчитанному на определенные потрясения. В видеоклипе каждый отдельный кадр по своему воздействию близок к мгновенно схватываемому «моментальному образу». В таких образах информация легко впечатывается в подсознание, проникая сквозь барьер осознанного восприятия за счет высокой скорости своего воздействия. Тем самым клип актуализирует энергию бессознательной части нашей психики и иррациональность восприятия.

Впервые феномен «клиповой культуры», как принципиально нового явления, был отмечен американским футурологом Э. Тоффлером. Он рассматривал данное понятие в качестве составляющей общей информационной культуры. Она формирует такие уникальные формы восприятия, как «зэппинг», когда путем безостановочного переключения каналов телевидения создается новый образ, состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений. Этот образ не требует подключения воображения, рефлексии, осмысления, здесь все время происходит «перезагрузка», «обновление» информации, когда все первоначально увиденное без временного разрыва утрачивает свое значение, устаревает.

Однако общепринятого определения понятий «клиповая культура», «клиповое сознание» еще не сформулировано. Под данными терминами понимается привычка воспринимать мир посредством короткого, яркого, предельно артикулированного посыла, воплощенного в форме или видеоклипа, или теленовости, или в любом другом виде.

Как уже отмечалось выше, клиповая культура формируется под влиянием масс-медиа. Стоит помнить, что мозг человека способен воспринимать и обрабатывать ограниченное количество информации. Как следствие – формируется агрессивный вид самозащиты, привычка

к «клиповому сознанию», для которой характерны высокая скорость восприятия образов без акцентирования деталей, антирефлексивность. То есть можно сделать вывод, что при помощи «клипового сознания» человек спасается от того потока информации, который обрушивается на него, что это своеобразная самозащита.

Мышление включает в себя способность устанавливать связи и отношения между познаваемыми объектами, делать обобщения, рассуждать, формировать выводы на основе каких-то фактов. Феномен клипового мышления подразумевает отсутствие этих способностей, т. е. информация есть, а способов ее обработки, возможностей делать умозаключения, объединять факты не наблюдается. Предположение, что у людей с клиповым сознанием не существует способов обработки информации, не точно. Они есть, но мало изучены, неизвестно, как их развивать и как ими пользоваться.

Негативным последствием внедрения клиповой культуры является то, что среди школьников появляется все больше и больше детей именно с таким типом сознания. Как результат – неуспеваемость в школе, неумение «вчитываться» в литературные произведения, неумение анализировать, практически полное отсутствие логики и умения творчески думать. Под влиянием клиповости сознания у учащихся снижается интерес к обучению, к поиску и формированию духовных связей, снижается интерес к самоанализу, проявляющийся в поверхностной оценке происходящих процессов. Однако без вникания в суть проблемы внимание акцентируется только на внешних признаках. Учителя, работающие в современной школе, также испытывают затруднения, проявляющие себя и в поиске формы проведения уроков и способов подачи материала. Им приходится ориентироваться как на учеников с клиповым мышлением, так и с традиционными видами мыслительной деятельности.

Безусловно, есть сферы, где использование клиповых стратегий подачи информации имеет свои плюсы. Например, это реклама. Большая часть телевизионных рекламных роликов строится в соответствии с клиповым стилем подачи информации.

Таким образом, можно сделать вывод, что клиповое сознание, становясь массовым явлением в современном обществе, может быть опасным, поскольку оно обнаруживает новую форму бегства от реальности. Наше общество стоит перед угрозой культурной деградации. Но в силу его недостаточной изученности нельзя утверждать, что существуют только негативные моменты данного явления. Отдельную область исследования представляет изучение способов обработки информации людьми с клиповым мышлением. Необходимо узнать, как их развивать и как ими пользоваться.

К ПРОБЛЕМЕ СТРЕССА И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Т. Г. Бохан (Томск)

Особый интерес в изучении психологии человека в изменяющемся мире вызывает проблема стресса и стрессоустойчивости. Это обусловлено, прежде всего, ее социальной значимостью, а также отсутствием единства научных представлений с вытекающим отсюда многообразием практических решений. Как показал анализ ее разработки в психологической литературе, проблема стресса и стрессоустойчивости соответствуют тому образу человека, который складывается в психологии по мере движения психологического познания, предопределяя особое понимание места и роли психического на различных этапах этого движения. Связано это с тем, что проблема стресса не может быть отнесена к числу «типичных» проблем психологии, понимаемой в качестве науки о психике, сознании, отражении и т. д. Это, прежде всего, проблема человека и той цены, которую он платит за обеспечение своей целостности, сохраняя устойчивость многомерного бытия в меняющемся мире. Но именно такой ракурс проблемы стресса до сих пор остается наименее изученным. Это не говорит о том, что исследователи не замечали данный аспект или просто игнорировали его. Научная психология, развиваясь, должна была пройти достаточно большой и трудный путь восхождения к «целостному человеку» как предмету психологического познания, открывая при этом ту роль, которую играет психика в становлении целостного человека и в обеспечении его устойчивости.

Только сейчас в полной мере начинает осознаваться системная суть культурно-антропологического подхода, представленного работами Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, в которых говорится о необходимости «возвращения целостного человека в психологию» и утверждается что «без человека как целого нельзя понять его поведение (впрочем, как и объяснить деятельность его «аппарата» – мозга)». Сегодня человек «возвращается в науку» в виде различных вариантов антропоориентированной психологии. Антропологизация психологического познания выступает сегодня как тенденция, объективирующая процесс восхождения конкретной науки к идеалам постнеклассической рациональности, основные признаки которой выделяют в философской методологии науки. По мнению В. С. Степина (2000), предметом постнеклассической науки являются открытые саморазвивающиеся системы «человекоразмерного» уровня. По мере этого понимания открываются новые возможности использования культурно-исторического подхода к такой «многоликой» проблеме,

каковой является психология стресса. В связи с этим задача понять психологическую природу стресса для выявления его места, роли и миссии по отношению к «целостному человеку», т. е. человеку, понятому в качестве открытой саморазвивающейся системы, является своевременной как по своей постановке, так и по возможностям ее решения средствами культурно-исторического подхода в психологической науке.

В труднообозримом пространстве работ, посвященных проблеме стресса, можно выделить методологически ориентированные исследования, для которых характерно классическое понимание стресса, берущее свое начало от теории Г. Селье (1936), как реакции человека на внешнее воздействие, а также его (человека) соответствующее состояние. Иными словами, исходно стресс и стрессоустойчивость возникли как понятия, за которыми стоит категория *устойчивость состояния* (человека, организма, нервной системы и т. д.). Если пользоваться градациями, использованными Л. Хьеллом и Д. Зиглером (1999) при дифференциации существующих психологических теорий (гомеостаз – гетеростаз), то можно заключить, что основной массив данных о стрессе получен в рамках гомеостатически ориентированных теорий, в которых на первое место выступают процессы, обеспечивающие становление механизмов редукции напряжения. В психологических теориях гетеростатной ориентации на первый план выходят проблемы интеграции мотивов человека, подчиненной задачам самореализации с ее устремленностью в будущее. Проблема стресса и стрессоустойчивости начинает рассматриваться в контексте различных средств, с помощью которых люди достигают (или не достигают) личностного роста и самореализации.

При этом меняется сам образ человека в психологии, развиваются такие представления о его топологии, которые преодолевают дихотомию объективного и субъективного, внутреннего и внешнего, на базе которой стресс рассматривался исключительно в качестве адаптивного синдрома, обеспечивающего равновесное состояние человека. А. Г. Асмолов высказывает мнение, что именно «гомеостатическая модель развития личности, сводящая любые проявления активности в ходе эволюции к достижению равновесия, стоит за схемами двухфакторной детерминации развития личности. Вместе с тем различные феномены, проанализированные в сфере изучения психосоматики В. С. Ротенбергом, в сфере собственно психологии активности личности В. А. Петровским, доказывают, что модель гомеостатического развития имеет не универсальный, а частный характер. Понимание этих явлений возможно при условии выхода за пределы барьеров классического рационального мышления» (Асмолов, 1998, с. 12).

Современный уровень развития культуры требует нового понимания условий выживания «культурного» человека. К таким условиям могут быть отнесены не только физиологические возможности человека как природный дар, который заметил Г. Селье и назвал *синдромом общей адаптации*, но и результаты развития современного культурного человека, воплощенные в его человеческой сущности, с которой связывают стремления людей к самореализации, самоактуализации, саморазвитию. Данные феномены как «то, что обеспечивает смысл и ценность собственно человеческого существования» (Клочко, Галажинский, 1999, с. 23) свидетельствуют об активном участии сознания людей в осуществлении эволюционного процесса. Представитель позитивной психологии М. Чиксентмихайи утверждает, что личность – это система, возникшая в ходе эволюции, и когда это происходит, она «становится независимой действующей причиной, перехватывающей управление человеческим поведением у влечений и стимул-реактивных связей» (Csikszentmihalyi, 1990, p. 17). В его работах поднимается проблема позитивных аспектов стресса в контексте проблемы *устойчивости потока жизни*.

В научных представлениях о стрессе можно проследить тенденцию, которая явно свидетельствует о том, что принцип гомеостаза, соответствующий биологическому уровню, не является объяснительным и определяющим для стресса. Этот принцип предполагает понимание человека как биологического организма, как системы, пассивно приспосабливающейся к воздействиям среды, где психика выполняет сугубо адаптивную функцию – вернуть организм в состояние равновесия. Как отмечает Н. Н. Пуховский (2000), исследовавший психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций, потребности самосохранения не отделимы от второй стороны инстинкта – потребностей самоопределения. В русской этнической культуре эта неделимая двойственность земной жизнедеятельности человека выражается характерными словами начала многих народных сказок «жил-был». А. Н. Леонтьевым отмечается, что психическое возникает и развивается для обслуживания биологической адаптации, а потом постепенно трансформируется, становится способным реализовать иной, более высокий уровень деятельности. Им выдвигается «общий принцип», которому подчиняются межуровневые отношения: «...наличный высший уровень всегда остается ведущим, но он не может реализовать себя только с помощью уровней нижележащих и в этом от них зависит» (Леонтьев, 1975, с. 233). В. Е. Клочко, Э. В. Галажинский, изучая самореализацию как психоисторическую проблему, показывают, что «высшее требует адаптироваться к социальному, «представителем» которого оно и является в субъекте,

низшее (телесное) требует адаптироваться к природной среде, откуда оно черпает все, что ему необходимо. Адаптироваться к обществу – значит включиться в процесс преобразующей (и в этом плане сверхадаптивной) деятельности. Адаптироваться к среде – значит опять-таки удовлетворять организменные потребности «человеческим» способом, считаясь с обществом, в форме деятельности» (Ключко, Галажинский, 1999, с. 54).

Тенденции развития представлений о стрессе, соответствуя тенденциям развития психологической науки, выводят на изучение стресса как «сверхадаптивного синдрома», обеспечивающего *устойчивость процесса саморазвития* человека как принципиально неравновесной системы. Значимость этой проблемы становится понятной, если согласиться с тем, что существование «мира вещей» и самого сознания «возможно только в гетерогенной среде, в ситуации неустойчивого равновесия, когда между состоянием нужды и ее удовлетворением нет сиюминутной непосредственной связи» (Тхостов и др., 2005, с. 47). Это означает также, что идеалы постнеклассической рациональности, ориентированной на изучение саморазвивающихся неравновесных систем, уже сравнительно давно ассимилируются психологией, противостоя ориентации на идеалы классической науки, в свете которых феномены неадаптивного поведения сами оценивались как патология (Асмолов, 2002; Гусельцева, 2003). В проблематике стресса эти методологические установки оказались настолько сильными, что даже сегодня, когда наука приступила к активному осмыслению идеалов постнеклассической рациональности, представляется крайне непроспективным переход к пониманию стресса как синдрома, указывающего на то, что происходит с человеком, когда он сталкивается с трудностями реализации своей неадаптивной природы.

Стоит добавить, что внутренняя тенденция развития человеческого сообщества выводит человека на новый уровень осознания собственной сущности, связанной не с адаптацией, а с принципиальной неадаптивностью, с ростом потребности в самореализации (Леонтьев, 2002; Коростылева, 2005; Кабрин, 2005). Сегодня уже нельзя игнорировать тот факт, что в «центре внимания клинической психологии» оказался человек с «трудностями в самореализации» (Поляков, 2002). Оценка угрозы, как пусковой механизм стресса, сопряжена не только и не столько с физическими потребностями, сколько с переживанием невозможности самореализации человека – его целей, ценностей, смысла жизни, развития. Иными словами, можно констатировать, что центр всей проблематики стресса смещается в те сферы психологического познания, которые изначально позиционировали себя в качестве гуманитарных областей науки.

Опираясь на современное представление о процессе становления «человеческого в человеке» как способе его устойчивого существования, можно предположить, что люди, которые по разным причинам не могут реализовать свои возможности или, иными словами, удерживать свою жизнь в режиме саморазвития, обречены на переживание хронического, разрушающего, деструктивного стресса. Психологическая (и психиатрическая) практика не могла не столкнуться с феноменами проявления такого стресса, но вопрос заключается в том, насколько эта практика могла оценить его истинную природу и происхождение. По данным исследователей ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. М. Сербского, соотношение хронического стресса и острого стресса в развитии нервно-психических расстройств составляет 85:14,5%. Возможно, что именно такой стресс «прячется» за феноменами «стресс повседневной жизни», «социальный стресс», «хронический стресс», «латентный стресс», «футурошок», «культурный шок», описанными в специальных работах.

Безусловно, не исчезнет из поля зрения психологов тематика посттравматических стрессовых расстройств, являющихся следствием природных бедствий, техногенных катастроф, региональных и межнациональных конфликтов, локальных войн и террористических актов. В то же время все отчетливей проступает тематика стресса как явления, которое не просто сопровождает процесс выхода человека на новые параметры собственного развития, но и является условием этого выхода. Становление «человеческого в человеке» невозможно без стрессов, без «овладения собой» (Выготский, 1983), «личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет, и который она создает в одном акте «творческой самостоятельности» создавая и свой мир, и самое себя» (Рубинштейн, 1987, с. 22), «личность рождается при решении экзистенциальной задачи освоения и овладения сложностью собственного бытия» (Зинченко, 2008, с. 6).

Сегодня актуальной задачей является сближение проблематики стресса с культурно-историческим контекстом. Реализуя эвристический потенциал отечественной культурно-исторической психологии, заложенный в работах Г. Г. Шпета, Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и их последователей: В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. В. Петровского, О. К. Тихомирова и др., исследователи, как отмечает А. Г. Асмолов, осуществляют переход от «анализа «сознания вне культуры» и «культуры вне сознания» к постижению тайны взаимопереходов, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры» (Асмолов, 1998, с. 15).

Проникновение в сущность процесса трансформации культуры в мир личности позволяет ставить и отвечать на вопросы о том, какая культура преобразуется в жизненный мир человека, что конкретно она привносит в него в плане устойчивости и подвижности этого мира, какие трудности саморазвития испытывает при этом человек, какие традиционные средства совладания он обретает. С методологических позиций культурно-исторического подхода стресс открывается как совокупность психологических проявлений, сопровождающих процесс саморазвития человека, в котором раскрывается его сверхадаптивная природа, нормотворческий гетеростабильный характер. Психологический стресс обретает онтологический статус и может рассматриваться как явление, связанное с процессом становления многомерного мира человека. Трудности, возникающие на пути саморазвития человека как способа его существования в качестве открытой системы, вызывают напряжение, поскольку они затрагивают саму возможность жизни человека как существа, открытого в мир. В этом процессе «закрывание» системы (или невозможность надлежащего ее открытия) означает прямую угрозу удержанию ее целостности, устойчивому существованию, что проявляется в дистрессе и сопутствующих ему психологических и соматических явлениях. Стресс имеет полифункциональную природу: он выступает и как сигнал о нарушении процесса жизненного самоосуществления, и как внутреннее состояние человека, устойчивое бытие которого оказывается под угрозой, и как условие коррекции образа жизни и образа мира, противоречия между которыми либо минимизировались до такого уровня, который лишает систему источников самодвижения, либо, наоборот, обострились до предела, при котором деструкция человека как целостной системы может приобрести необратимый характер.

Стресс амбивалентен по направленности его трансформации: он может переживаться как самодиагностика системы, обнаруживающей новые параметры развития и обладающей готовностью выхода к ним (модель «эустресса»), и как оценка начинающейся деструкции системы, которая не может удержать свою целостность в силу действия факторов, блокирующих возможность саморазвития и самореализации (модель «дистресса»). Эмоции, сопровождающие стресс, отражают конфликт в ценностно-смысловых полях жизненного мира человека, за которым стоит борьба противоположных тенденций – стремление к стабильности, с одной стороны, и к изменениям, с другой, разрешение которой происходит в саморазвитии системы, каковая и является внутренним основанием ее устойчивости. Таким образом, психологический стресс с позиции идеи самоорганизации, как методологической основы культурно-исторического подхода,

может быть понят как «сверхадаптивный синдром», а его функции определены по отношению к человеку как существу ищущему, находящему и реализующему возможности выхода на новые параметры собственного развития, к новым сферам самореализации.

Литература

- Асмолов А. Г. У порога неклассической релятивистской психологии // Сибирский психологический журнал. 1998. Вып. 7. С. 7–16.
- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 291–486.
- Гусельцева М. С. Культурно-историческая психология: от классической к пост неклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Зинченко В. П. Общество на пути к «человеку психологическому» // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 3–11.
- Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности. М.: Смысл, 2005.
- Клочко В. Е. Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: ТГУ, 1999.
- Коростылева Л. А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Речь, 2005.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки каф. общ. психол. МГУ им. М. В. Ломоносова / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 56–65.
- Леонтьев Д. А. Эксклюзивное интервью с Михаем Чиксентмихайи (Д. Леонтьев, сентябрь 2005). <http://www.positivepsychology.ru>.
- Поляков А. С. Современные проблемы клинической психологии // Сибирский психологический журнал. 2002. Вып. 11. С. 8–16.
- Пуховский Н. Н. Психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций. М.: Академический Проект, 2000.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1987.
- Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс, Традиция, 2000.
- Тхостов А. Ш., Елшанский А. Ш., ред. Психологические аспекты зависимостей: Сб. науч. статей. М.: Научный мир, 2005.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (основные положения, исследования и примечания). СПб.: Питер Ком, 1999.
- Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper and Row, 1990.

СВЯЗЬ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ СО СМЫСЛОЖИЗНЕННЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ И ВЫБОР ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ В ПРАВОВОЙ СРЕДЕ

М. В. Верстова (Краснодар)

Сегодня современному человеку приходится сталкиваться с ситуациями, подчиняющимися правовому регулированию, в которых перед личностью возникает необходимость ориентировки в сложной и неопределенной для нее ситуации. Примером такой правовой ситуации, ставшей действительностью общества, является предложение стать присяжным заседателем. Актуальным и востребованным, по мнению некоторых исследователей, является изучение «обыденного правового сознания личности» в ситуации выбора формы поведения в правовой сфере и наличие готовности у человека проявить активное сознательное самоопределение в подобной ситуации (Янова, 1998).

Правовое сознание является объектом комплексного изучения разных научных дисциплин, в частности, социологии, юриспруденции, психологии и др. В психологии можно выделить несколько направлений по изучению правового сознания личности. Так, например, некоторые работы направлены на изучение психологических механизмов нормативно-правовой регуляции поведения личности, анализ ценностных ориентаций и мотиваций правового и противоправного поведения (Еникеев, 1996; Ратинов, 1988 и др.). Проблемами участия российских граждан в правовой жизни занимались отечественные психологи (Абульханова, 2005; Воловикова, 2004, с. 16–31; Славская, 2002). Особенности правового сознания присяжных заседателей изучали О. А. Гулевич, Е. О. Голынчик и О. В. Соловьева и др.

Изучение правового сознания как комплекса социальных представлений стало популярным в работах отечественных исследователей, что, по-нашему мнению, связано с качественными изменениями в российском общественном правовом сознании. По мнению А. Н. Славской, для формирования правового сознания личности российского гражданина основным оказывается *контекст межличностных отношений*. В правовой сфере преобладают не нормативно-правовые, как в западноевропейском обществе, а морально-психологические регуляторы (ролевое поведение, взаимоотношения субъекта, его психология, личные интересы), такие как совесть, доверие/недоверие, ложь и т. д. Основными психологическими предпосылками возникновения правового сознания личности в правовых взаимоотношениях, – это есть «наличие или отсутствие взаимности» в интерпретации прав и обязанностей «партнеров по отношению друг к другу» (Славская, 2002).

Пропущенные через личный опыт субъекта изучаемые стороны правовой жизни способны вызвать к себе определенное отношение личности, стать значимыми и выступить как ценности для личности. Ценностные образования и установки в структуре правового сознания личности: эмоции, направленность, правовые установки обеспечивают субъективное принятие и реализацию поведения, направленного на выражение готовности соблюдать закон (Белобородов, 2003, с. 92–105). По мнению А. Р. Ратинова, в социально-правовых установках и ценностных ориентациях заключается основной регулятивный потенциал правового сознания (Ратинов, 1988).

Ряд авторов уделяют внимание тому, что отсутствие готовности и наличие готовности соблюдать закон могут также затрагивать ценностно-смысловую сферу и ценностную регуляцию деятельности личности (А. Г. Белобородов, Д. А. Леонтьев). Элементы, составляющие смысловую сферу личности, регулируют деятельность, в частности, выбор формы поведения в правовой ситуации. В психологии проблема понятия «выбор» актуальна, о чем свидетельствуют работы, проводимые исследователями (А. Н. Демин, Т. В. Корнилова, Е. В. Улько и др.). Проводя анализ теоретических работ по проблеме понятия «выбор», можно отметить, что выбор психологами изучался как этап принятия решения (Г. Саймон, Д. Канеман и др.). Также понятие «выбор» рассматривается в исследованиях современных отечественных психологов, где теоретическими предпосылками исследования послужил деятельностный подход А. Н. Леонтьева (Д. А. Леонтьев, Н. В. Пилипко). Психологи утверждают, что выбор – это внутренняя деятельность по конструированию оснований и смысловых критериев для сопоставления сформированных альтернатив и осуществлению этого сопоставления во внутреннем плане (Леонтьев, Пилипко, 1995). Субъективное переживание человеком смысла жизни, осознание ответственности за результаты своей работы образуют критерии принимаемых решений в различных ситуациях (Д. А. Леонтьев) (наличие различных установок личности в правовых ситуациях, предлагаемых социумом). Таким образом, опираясь на работы Д. А. Леонтьева, В. А. Ядова, М. С. Яницкого, проанализируем содержание смысловой сферы личности через смысложизненные ориентации.

Существенную роль в понимании конкретной правовой ситуации играет представление человека о своей собственной позиции в социальном правовом и поведенческом пространстве в контексте широких правовых представлений и смысложизненных ориентаций личности.

В 2007 г. нами проводилось исследование установки личности к правовой ситуации на примере готовности участия в суде присяжных (Верстова, Улько, 2007). С помощью анкеты были сформированы

группы испытуемых: *согласившиеся* и *отказавшиеся* принять участие в работе коллегии присяжных. Предметом исследования в работе выступили правовые представления личности, ее смысложизненные ориентации в связи с установкой к участию в суде присяжных. В исследовании приняли участие 182 жителя Краснодарского края в возрасте от 25 до 65 лет.

Первоначально была изучена установка личности к конкретной правовой ситуации (Верстова, Улько, 2007), где основным методом исследования явилась разработанная анкета, с помощью которой выделили и сформировали группы испытуемых: *согласившихся* и *отказавшихся*. Далее рассмотрели характер широких социально-правовых представлений испытуемых и отношение испытуемых к отдельным элементам правовой реальности. С целью получения информации о правовых представлениях и моделях смысловых пространств испытуемым были заданы для оценивания по шкалам СД центральные для проблемы «право-нравственность» понятия. Понятия «закон», «власть» отражали систему правового регулирования; понятия «справедливость», «правда» представили систему нравственного регулирования (Верстова, Улько, 2007). Полученные данные были обобщены и представлены в виде описания групп с различной установкой к участию в суде присяжных, включающей характер широких социально-правовых представлений (трехфакторный семантический дифференциал Ч. Осгуда) и специфику смысложизненных ориентаций (тест СЖО Д. А. Леонтьева).

Результаты исследования показали, что люди с различной поведенческой установкой к участию в суде присяжных заседателей отличаются разноуровневыми смысловыми образованиями личности: правовыми представлениями и смысложизненными ориентациями.

Яркой особенностью *согласившихся* являются более высокие оценки понятия «закон» по всем трем факторам (оценке, силе, активности), что свидетельствует об его эмоциональном приятии, силе и динамичности данной правовой категории в сознании респондентов и, соответственно, более высокой смысловой значимости. *Согласившиеся* готовы принимать правовые нормы и идентифицировать себя с ними, наделяют «закон» и «власть» более высокой активностью. Эмоциональное отношение в группе *отказавшихся* к правовым и моральным объектам не дифференцировано, оценка этих объектов испытуемыми проходит через негативный полюс конструкта «оценка». Оценочные шкалы, используемые *согласившимися*, в основном нейтральные и положительные, при оценке понятия «власть» шкалы в основном отрицательные и, соответственно, негативные.

Полученные результаты показали, что люди, не готовые принять участие в коллегии присяжных устойчиво демонстрируют существен-

ное расхождение в семантическом пространстве нравственных и правовых категорий, группа характеризуется значительным семантическим расстоянием между такими объектами, как *закон–справедливость*, *закон–правда* в отличие от *согласившихся* (см. таблицу 1). Дальше всего в семантическом пространстве *отказавшихся* располагаются понятия «закон» и «правда», ближе всего «справедливость» и «правда». Согласно представлениям *отказавшихся*, с помощью закона вряд ли добьешься правды и справедливости. Люди, согласившиеся принять участие в коллегии присяжных, готовы принимать правовые нормы, склонны идентифицировать себя с ними, правовые категории наделяют более высокой активностью. Правовая сфера *согласившихся* воспринимается как динамичная, изменчивая, а сами субъекты готовы к активным действиям в этой области (что выражается в готовности участвовать в работе коллегии присяжных).

Таблица 1

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ОБЪЕКТАМИ
в группах отказавшихся и согласившихся

Пары объектов	Согласившиеся	Отказавшиеся
Закон–Справедливость	0,82	1,24
Закон–Правда	0,95	1,88
Закон–Власть	0,79	1,01
Справедливость–Правда	0,63	0,68
Справедливость–Власть	1,61	1,28
Правда–Власть	1,65	1,73

Далее рассмотрим результаты исследования связи вариантов правовых представлений личности со смысловыми ориентациями. Так как достоверных различий в группах по тесту СЖО обнаружено не было, то мы из-за неоднородности групп рассматривали их по группам *согласившихся* и *отказавшихся* (см. таблицу 2).

У *согласившихся* по шкалам «Цели» и «Результат» выявлены различия между «познавателями» и «борцами за справедливость» ($p < 0,001$); по шкалам «Процесс», «ЛК-Я», «ЛК-жизнь» (использовался t -критерий Стьюдента, $p < 0,05$). Выявлены различия между «борцами» и «активистами» по шкалам «Цели», «Процесс», «Результат», «ЛК-жизнь» ($p < 0,001$), по шкале «ЛК-Я» ($p < 0,05$). Наблюдаются различия и между «познавателями» и «активистами» по шкале «Процесс» ($p < 0,05$), по «ЛК-жизнь» ($p < 0,001$). У *отказавшихся* по шкалам «Цели» и «Результат», «ЛК-жизнь» выявлены различия между «деловыми», «нигилистами», «эмоционально-тревожными» ($p < 0,05$).

На основе эмпирических данных можно сформулировать несколько типов обобщенных характеристик субъективно-смысловых

Таблица 2
СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕСТА СЖО ПО ГРУППАМ УСТАНОВОК

Шкала	Группы					
	Согласившиеся			Отказавшиеся		
	борцы	соц. активисты	познавательные	нигилисты	деловые	эмоцион.-тревожные
Цели	↑ 42,4	↓ 35,8	↓ 37,2	↑ 39,1	↑ 39,1	↓ 35,6
Процесс	↑ 35,6	↓ 27,3	↓ 31,3	↓ 29,5	↑ 33,2	↓ 29,7
Результат	↑ 34,8	↓ 29,7	↓ 28,8	↑ 31,8	↑ 31,5	↓ 29,9
ЛК-Я	↑ 24,1	↓ 19,7	↑ 21,5	↓ 20,9	↓ 20,8	↓ 20,4
ЛК-Ж	↑ 34,3	↓ 27	↔ 30,9	↔ 30,8	↑ 31,6	↓ 27,9
ОЖ	↑ 117,4	↓ 95	↓ 105,1	↓ 105,8	↑ 107,8	↓ 98,8

Примечание. Знаки ↑, ↓ и ↔ – высокие, низкие, средние значения по методике СЖО.

оснований, определяющих готовность личности к участию в суде присяжных. В результате выделено 6 типов представления субъектов о ситуации выбора.

1 Лица, согласившиеся принять участие в суде присяжных:

«Борцы за справедливость» положительно воспринимают «справедливость» и отрицательно «власть», но, несмотря на негативное отношение, понятие «власть» оценивается как «сильный» и «активный» объект. Характеризуются высоким уровнем осмысленности жизни, умением ставить цели и ориентированностью на будущее, им свойственно планирование в соответствии с поставленными целями, проявление активности на основе опыта прошлого, настоящего и принятием ответственности за выбор.

«Социальные активисты», в отличие от других понятий, «власть» воспринимают негативно, но оценивают высоко факторами «Сила» и «Активность» в СД; закон ассоциируется с правосудием и справедливостью, но не с властью. Несмотря на наличие желания быть социально активным, группа отличается наличием низких показателей осмысленности прошлого, настоящего и будущего, они редко ощущают себя хозяевами жизни.

У «Познавателей» основной характеристикой по сравнению с другими группами является самая маленькая дистанция между изучаемыми понятиями (законом, справедливостью, властью, правдой), что свидетельствует о близости в сознании испытуемых правовых и моральных категорий. Испытуемым свойственна осмысленность настоящего, низкие показатели осмысленности прошлого и будущего, прошлым не удовлетворены, но настоящее воспринимается как богатое событиями, а планы на будущее плохо представляемы.

2 Лица, отказавшиеся принять участие в суде присяжных:

«Нигилистам» свойственна тенденция к противопоставлению моральных категорий правовым (значительное расстояние «закон» – «справедливость», и маленькая дистанция между «справедливостью» и «правдой», характерной чертой является низкая оценка объекта «закон» по фактору «Активность»). Отличаются смешанностью типов осмысленности жизни (низкие и высокие показатели шкал «Цели», «Процесс», «Результат»), но неудовлетворенностью жизнью в настоящем.

В группе «деловых» характерной особенностью является самая большая семантическая дистанция между понятиями «закон» и «правда», «правда» и «власть». Правовые объекты вызывают желание избегания, удаления. Характерен высокий уровень осмысленности жизни, умеют ставить цели и ориентироваться на будущее, умеют придавать значение осмысленности жизни, имеют свободу выбора и возможность свободно распоряжаться своей жизнью.

«Эмоционально-тревожные» категорию «закон» воспринимают нейтрально, «власть» в целом оценивают высоко и положительно по всем семантическим факторам. В отличие от других групп в сознании испытуемых правовые категории («закон» и «власть») между собой сильно различаются. Им присущи низкий уровень осмысленности жизни, низкая направленность на будущее и отсутствие представления о себе как о хозяине жизни, они отличаются низким уровнем самореализации.

Таким образом, полученные данные подтверждают мысль о характере установки личности по отношению к конкретной ситуации, которая определяется в соответствии с правовыми представлениями личности о правовой ситуации в целом.

Литература

- Абульханова К. А. Личностные особенности детерминанты социальных представлений // *Идея системности в современной психологии* / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Белобородов А. Г. Образ права как смысловой уровень правосознания и возможности его использования // *Мир психологии*. 2003. № 4. С. 92–105.
- Верстова М. В., Улько Е. В. Правовые представления личности с различной установкой к участию в суде присяжных // *Человек. Сообщество. Управление*. Краснодар, 2007. С. 64–81.
- Воловикова М. И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // *Психологический журнал*. 2004. Т. 25. № 5. С. 16–31.
- Гулевич О. А., Гольничик Е. О. Взаимосвязь представлений о справедливости с поведением в правовой сфере // *Правовед*. Великий Новгород: Изд-во Новгородского ун-та, 2004. № 5.

- Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. М.: Юрист, 1996.
- Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1.
- Ратинов А. Р. Правовая психология и преступное поведение: Теория и методология исследования / А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988.
- Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2002.
- Янова Н. Г. Суд присяжных и государственный обвинитель // Социс. 1998. № 5. С. 83–87.

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НРАВСТВЕННОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ

А. Е. Воробьева (Москва)

В трудах С. Л. Рубинштейна отмечалась и обосновывалась необходимость психологического изучения нравственных и духовных свойств личности, отдельных групп и всего человечества (Рубинштейн, 1973). В основу данного исследования положено представление о нравственном самоопределении как процессе ориентации личности в системе нравственных идеалов и ценностей, среди людей и социальных групп, являющихся их носителями, а также как осознанном процессе поиска, выбора и создания собственных нравственных эталонов и идеалов, а затем на их основе – принципов, ценностей, норм, правил и т. п. (Купрейченко, 2008).

Юношеский возраст выделяется как сенситивный этап нравственного развития личности. Поэтому одной из основных проблем, которые стоят перед исследователями в настоящее время, является анализ факторов, регуляторов и детерминант поиска молодыми людьми своего способа жизнедеятельности на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых ими во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу и самому себе (Журавлев, Купрейченко, 2006).

Многие авторы включают эмпатию в число факторов нравственности личности (Илюшин, 1980; Колесов, 2003; Корниенко, 1997; Попов, Кашин, Старшинова, 2000). Альтруистические проявления невозможны и без способности идентифицировать эмоции других людей (Гоулман, 2008). Таким образом, в связи с нравственным

самоопределением личности недостаточно рассматривать только способность к сопереживанию, необходим учет всех компонентов эмоционального интеллекта: понимания чужих эмоций, способности контролировать свои эмоции и т. д.

В процессе проведенного исследования было выдвинуто **предположение**, о том, что чем выше межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, тем более нормативно нравственное самоопределение личности и более негативно демонстрируемое ею отношение к неэтичным объектам, явлениям окружающего мира (например, к газетным заголовкам).

Объект: молодежь в возрасте 18–35 лет: мужчины – 47%, женщины – 53%, с различным семейным статусом и характером занятости. Общий объем выборки 170 чел.

Для сбора эмпирических данных применялись следующие **методики**: «Нравственное самоопределение личности» А. Е. Воробьевой и А. Б. Купрейченко (Журавлев, Купрейченко, 2007); авторская методика оценки психологических показателей эффективности газетных заголовков; методика измерения эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (Люсин, 2006). В качестве неэтичных объектов, явлений окружающего мира были использованы «вызывающе-сексуальные», «агрессивные», «циничные» заголовки статей из «желтой» прессы.

Результаты: Респондентов с более высоким межличностным эмоциональным интеллектом (МЭИ) отличает большая приверженность представлению о значимости морали для общества, об относительности нравственности, о существовании воздаяния за добро и зло, о нравственности личности, как показателе ее силы, о том, что каждый несет ответственность за свой моральный облик и этичность поведения. Также при сравнении респондентов с разным уровнем МЭИ при более высоких его значениях наблюдается переход от неответственности к ответственности соблюдения нравственных норм на когнитивном уровне, наблюдается большая активность в нравственном поведении на эмоциональном уровне, также увеличивается взаимность на когнитивном уровне. У респондентов со средним МЭИ наблюдается меньшая приверженность стратегии взаимности на эмоциональном уровне, чем у респондентов с высоким МЭИ. «Агрессивные» газетные заголовки в наибольшей мере раздражают респондентов с высоким МЭИ и не понравятся их референтной группе. Однако только респонденты с высоким МЭИ оценивают «циничные» заголовки как не противоречащие нравственным нормам. Возможно, это вызвано тем, что, с точки зрения респондентов с таким уровнем МЭИ, современные нормы очень расплывчаты и допускают многие ранее недопустимые формы поведения.

При сравнении респондентов с разным уровнем внутриличностного эмоционального интеллекта (ВЭИ) при более высоких его значениях наблюдается большая убежденность в том, что нравственность личности – проявление ее силы, что каждый несет ответственность за свой моральный облик и этичность поведения, наблюдается переход от необязательности к обязательности соблюдения нравственных норм на когнитивном уровне, от пассивности к активности нравственного поведения на конативном уровне, от невзаимности к взаимности на когнитивном и конативном уровне. Также при большем ВЭИ наблюдается приверженность на эмоциональном уровне стратегии обязательности соблюдения нравственных норм и стратегии активности нравственного поведения, наблюдается переход к отрицанию эгоцентрической ориентации, все меньшая приверженность группоцентрической ориентации, все большая приверженность миротворительной ориентации. У респондентов с высоким ВЭИ склонность к гуманистической ориентации меньше, чем у респондентов с более низким ВЭИ. «Вызывающе-сексуальные» заголовки в большей мере раздражают и отталкивают респондентов с более высоким ВЭИ, не побуждают познакомиться со статьей. «Агрессивные» заголовки в большей мере раздражают, не побуждают познакомиться со статьей, не понравятся референтной группе респондентов с более высоким ВЭИ.

Таким образом, респонденты с высоким межличностным и внутриличностным эмоциональным интеллектом в своих нравственных представлениях, ориентациях, стратегиях более нормативны, чем респонденты с более низким эмоциональным интеллектом. Отношение к неэтичным объектам также более негативно у респондентов с более высоким межличностным и внутриличностным эмоциональным интеллектом.

Литература

- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2008.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Самоопределение молодежи в экономической среде // Психологическая помощь учащейся молодежи в современном изменяющемся мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. А. С. Чернышева. Курск, 2006. С. 126–127.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
- Илюшин В. И. Совесть – самоконтроль выбора // Моральный выбор / Под ред. А. И. Титаренко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 194–209.
- Колесов Д. В. Общество (психология связей и отношений) // Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.
- Корниенко Н. А. Психологические основы эмоционально-нравственного развития личности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1997.

- Купрейченко А. Б. Концептуальные основы изучения нравственного самоопределения личности // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России: Материалы второй Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. В. Капцов. Самара: Самар. гуманит. акад., 2008. С. 10–15.
- Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Попов Л. М., Кашин А. П., Старшинова Т. А. Добро и зло в психологии человека. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

В. В. Гриценко, Т. Н. Молчанова (Смоленск)

Важным условием социально-психологической адаптации к постоянно меняющимся условиям социальной среды и одновременно показателем (критерием) ее успешности/неуспешности является субъективное благополучие личности. В условиях кардинальных изменений в социально-экономической и духовно-нравственной жизни российского общества проблема субъективного благополучия как отдельного индивида, так и целых групп приобретает особую актуальность.

Субъективное благополучие личности, являясь интегральным показателем адаптации человека, имеет сложную природу формирования и представляет собой многомерную, многоуровневую и динамичную систему субъективных отношений человека к условиям жизни (Шамионов, 2004). Эмпирическим референтом субъективного благополучия может выступать удовлетворенность различными сторонами жизнедеятельности.

В данной статье мы ограничимся анализом уровня удовлетворенности жизнью подростков в условиях нарушения структуры привычных детско-родительских отношений, обусловленных отъездом одного или обоих родителей на заработки. В исследовании приняли участие 45 подростков (19 мальчиков и 26 девочек) в возрасте от 11 до 15 лет, проживающих в поселках Кардымово и Красный Смоленской области. У 36 детей на заработки уезжает отец, у троих – мать, и у шестерых – оба родителя на срок от 2–3 недель до одного года.

Согласно эмпирическим данным, полученным с помощью модифицированного варианта методики «Уровень социальной фрустри-

рованности» (Вассерман, 1995), степень удовлетворенности многими сферами жизнедеятельности респонденты оценили в пределах 4 баллов (максимум 5 баллов), что свидетельствует о достаточно высоком уровне удовлетворенности ими жизнью. Так, подростки скорее довольны, чем недовольны *материальным положением семьи (4,0), вещами, которые у них есть (4,3), жилищно-бытовыми условиями (4,0), местом жительства (4,0), проведением досуга (4,1), своим образом жизни (4,1).*

Интересно отметить, что уровень удовлетворенности практически по всем шкалам (исключение составляет только шкала «*положение в классе*») выше у мальчиков, чем у девочек. На наш взгляд, это объясняется гендерными особенностями: более высоким уровнем сензитивности и эмоциональной восприимчивости представителей женского пола ко всему, что их окружает, более высоким уровнем требовательности и критичности их к условиям существования.

Самые низкие показатели удовлетворенности на всей выборке получены по шкалам «*отношения с учителями*» (3,5) и «*положение в классе*» (3,8), что лишний раз подтверждает положение о том, что данная сфера жизни вызывает у подростков больше всего проблем. Если подросток не может занять удовлетворяющего его места в системе общения в классе, он психологически «*уходит*» из школы. Данное положение объясняется особенностями подросткового возраста, проявляющимися в настойчивом стремлении ребенка к признанию своей личности взрослыми при отсутствии реальной возможности утвердить себя среди них. Отсюда и характерное для данного возраста дистанцирование и отчуждение от взрослых. В то же время современный подросток одновременно и настаивает на признании равенства прав со взрослым, хотя по-прежнему нуждается в его помощи, защите и поддержке, в его оценке (Шаповаленко, 2002).

Согласно данным опроса, степень удовлетворенности подростков *отношениями с родителями* несколько выше (3,9), чем степень удовлетворенности *отношениями с учителями* (3,5). Чаще всего подростки предъявляли к своим родителям те же требования, что и к учителям: перейти к отношениям, основанным на взаимном доверии, уважении и относительном, но неуклонно растущем равенстве. Заметим, что после отъезда отца ребенок остается с матерью, которая, принимая на себя весь груз заботы и ответственности за его воспитание, нередко прибегает к распространенным в практике традиционной системы воспитания «детским формам» контроля над поведением ребенка, требованиям от него послушания и подчинения, что и вызывает у исследуемых нами подростков протест и неудовлетворенность отношениями с матерью.

В то же время самые высокие баллы удовлетворенности подростков получены по шкале «*отношения с друзьями*» (4,5). Учитывая ведущую

роль в данном возрасте интимно-личного общения со сверстниками, определяющего многие стороны личностного развития подростка, полученные результаты позволяют утверждать, что главная потребность данного возрастного периода – найти свое место в обществе, быть «значимым» – реализуется в сообществе сверстников-друзей. Именно в общении с друзьями происходит проигрывание самых разных сторон человеческих отношений, построение отношений, основанных на «кодексе товарищества», реализуется стремление к глубокому взаимопониманию.

Подытоживая краткий анализ результатов исследования, мы можем сказать, что удовлетворенность жизнью и различными ее аспектами – когнитивная сторона благополучия – это оценка личностью своей жизни, отражающая то, насколько реальная жизнь человека близка к его представлению об идеале. Подчеркнем также, что субъективное благополучие зависит от взаимодействия и взаимовлияния целого комплекса различных внутренних и внешних составляющих: личностных, социальных, этнокультурных и т. п. Именно субъективное благополучие определяет качество жизнедеятельности человека и является тем необходимым компонентом (регулятором), без которого невозможно полноценное существование субъекта, эффективность его социальных взаимоотношений, а следовательно, и успешность его адаптации в условиях общественных перемен.

Литература

- Вассерман Л. И.* Психодиагностическая шкала для оценки уровня социальной фрустрированности // Обзорение Института психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 2. С. 73–79.
- Шамионов Р. М.* Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.
- Шаповаленко И. В.* Взаимоотношения поколений в семье // Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Под ред. Е. Г. Силяевой. М., 2002. С. 65–120.

К ВОПРОСУ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Т. В. Дробышева (Москва)

Проблема изучения детерминации психики и поведения рассматривается в отечественной психологии достаточно широко: от самоопределения психологической науки в целом (Рубинштейн, 1957)

до понимания соотношения между спецификой психологической каузальности и выбором метода ее исследования (Корнилова, 2007 и др.). Глубокий анализ исторического развития детерминизма в психологии представлен в одной из работ Е. В. Шороховой (Шорохова, 1969), которая определяет вклад идей С. Л. Рубинштейна в развитие детерминистической теории через формулирование им методологического принципа, основное значение которого заключается в «правильной» организации психологических исследований, так как он выступает и как способ объяснения психических явлений, и как способ управления ими (Шорохова, 1969).

Вопрос «правильности» психологического, а также социально-психологического исследования напрямую связан с проблемой поиска объективности его результатов. На современном этапе развития социальной психологии данная проблема актуализирует развитие новых методологических подходов, методов, процедур, технологий и не решается через какое-либо противопоставление «внешнего» и «внутреннего» или «социального» и «психического». Наоборот, снятие конфликта указанной дихотомии в направлении выявления системы ее связей позволяет расширить спектр изучаемых социально-психологических явлений.

Так, Б. Ф. Ломов предложил рассматривать детерминацию как некую систему с определенным набором компонентов (Ломов, 1982, 1984, 1996). Их можно сформулировать следующим образом:

- 1) *система детерминант включает разные их типы.* Кроме причин, вызывающих эффекты (следствия), выделяются внешние и внутренние факторы, общие и специальные предпосылки, опосредствующие звенья, которые изменяют влияние причины и, соответственно, возникновение следствия;
- 2) *причина* – не отдельное событие, а их совокупность (ситуация), поэтому и *следствие* – есть результат накопления информации, порождаемой ситуацией; их отношения носят временной характер;
- 3) *все типы детерминант имеют разную функциональную направленность.* Они могут ускорять, замедлять возникновение следствия; усиливать, ослаблять каузальную связь и т. п.;
- 4) *внешние детерминанты* имеют социальную природу, уровневую структуру; взаимодействуют с внутренними факторами; их отношения влияют на силу, активность, направленность действия причины;
- 5) *внутренний фактор* – «события или феномены, органически включенные в изучаемые явления, имманентно присущие им»;

- 6) *предпосылки (общие и специальные)* – это своего рода «готовность или подготовленность к «восприятию» (не в психологическом смысле слова) действия причины и других детерминант». Они определяют успешность воздействия причины;
- 7) *опосредствующие звенья* – вспомогательные средства, так же косвенно влияющие на каузальную связь.

Рассмотрим действие этой системы применительно к феномену «экономическая социализация», который понимается как *процесс и результат включенности индивида в мир экономических отношений общества*, в котором он живет. Можно предположить, что *человек усваивает экономический опыт общества, систему социальных и экономических ценностей и, активно преобразуя его, становится экономическим субъектом* данного общества (Дробышева, Журавлев, 2004).

Основные характеристики первичной экономической социализации и система ее детерминации. В качестве *результативных* характеристик экономической социализации личности рассматривают: экономическую и экономико-психологическую адаптированность (Дейнека, 1999 и др.), экономическую идентичность (Хашченко, 2005), экономическую (Журавлев, 2007) и экономико-психологическую зрелость (Дробышева, 2008), экономическую компетентность, сформированность экономической культуры личности (Сухорукова, 2001 и др.) и т. п. Все они могут быть рассмотрены в рамках системной детерминации как «накопленные эффекты». Причем одни из них могут выступать по отношению к другим компонентами, предпосылками, факторами. Кроме того, одни и те же социально-психологические и психологические критерии могут присутствовать в разных феноменах, принимаемых как результат экономической социализации. Например, динамика социальных и экономических ценностей определяется как *психологический критерий* экономической социализированности и в то же время как *предпосылка и условие* существования экономической культуры. Другой пример – адаптированность в экономических ролях – рассматривается как *один из критериев* и экономической адаптированности, и экономической компетентности (в разных моделях, безусловно).

К процессуальным характеристикам экономической социализации, выделяемым исследователями, относятся ее этапы, факторы, условия, механизмы и средства. При этом существует общее понимание того, что *условия* создают возможности для реализации связи, но напрямую не воздействуют, *факторы* влияют, *причины* порождают следствие (Ломов, 1982, 1996), а механизмы и средства определяют специфику возникающих эффектов. Однако ограничение детерминации одними причинами и факторами не всегда корректно.

Итак, феномен «экономическая социализация» в большей степени изучается именно в контексте выявления каузальной связи экономических и психологических явлений и объектов. Такая специфика, как упоминалось ранее, определяется ее содержанием. Так, в качестве *причин* рассматриваются влияния установок семьи, образовательных институтов; информации СМИ; политики занятости госструктур; элементов экономической и общей культуры общества и т. п. *Эффектами* выступают изменения в: сберегательном, потребительском, инвестиционном поведении формирующейся личности; ее экономических представлениях, отношениях, установках и т. п. Кроме того, в качестве эффектов может приниматься и динамика экономических, социальных, волевых и др. ценностных ориентаций (Дробышева, Журавлев, 2004), а также трансформация общественных или групповых экономических представлений в сознании индивида и т. п. В качестве *факторов* первичной экономической социализации (т. е. детей, подростков, юношей) изучаются возраст, пол, регион проживания, национальная и конфессиональная принадлежность и т. п. Следует уточнить, что в большинстве работ, выполненных в этой области знания, авторы рассматривают фактор амбивалентно – то как нечто влияющее на каузальную связь, то как причину, порождающую следствие. Таким образом, в интерпретациях отмечается наличие/отсутствие различий в зависимости от выделенных факторов. При этом анализ их влияния на каузальную связь, т. е. выделение характера этого влияния, анализа отношений самих факторов и т. п., не осуществляется. Основной акцент делается на статистических различиях. Таким образом, можно говорить о подмене детерминационной системы статистическими факторами. С нашей точки зрения, социально-экономическое развитие личности не может строиться на таких принципах, поскольку и социальная среда, и психика – это сложные, определенным образом связанные, многоуровневые системы.

Проиллюстрируем вышеизложенные суждения на примере модели исследования экономического образования как фактора экономической социализации. Не уточняя основное содержание работы (она опубликована в нескольких изданиях), используем для анализа ее логику (Дробышева, Журавлев, 2004).

Модель системной детерминации первичной экономической социализации была построена с опорой на естественный формирующий социально-психологический эксперимент (Дробышева, Журавлев, 2004), включающий экспериментальный «план Соломона» для 4-х групп: двух контрольных (не обучавшиеся в ходе эксперимента испытуемые) и двух экспериментальных (обучавшиеся).

После обучения младших школьников по одной из программ раннего экономического образования были получены три вида результатов: отсутствие динамики, общая и парциальная динамики ценностных ориентаций (ЦО). При этом изменения в экспериментальных группах рассматривались как *эффект экономического образования*, а в контрольных, эквивалентных экспериментальным по значимым для оценки влияния параметрам, как *результат естественного развития*.

В контексте простого изложения «причина–следствие», измерив «до» и «после», можно сделать вывод о том, что обучение в школе приводит к изменению в сознании школьников значимости тех или иных ориентаций на ценности. Однако даже в условиях эксперимента выявленная связь не может трактоваться без учета всех возможных событий. А именно, того, что было «до» и «во время» обучения данному предмету. В нашем случае необходимо было учитывать влияние семейного экономического воспитания, содержание которого в социально-психологическом исследовании рассматривается как система экономических представлений, установок, ожиданий родителей, которая также детерминирована личностными характеристиками родителей, структурой семьи, субъективным экономическим статусом, показателями удовлетворенности уровнем материального благополучия и т. п.

В любом случае экономическое воспитание может быть рассмотрено как одно из событий, включенных в категорию «*причина*». Особый интерес в этом случае вызывает изучение характера отношений между двумя событиями причины (образование в школе и воспитание в семье), которые в одном случае могут определяться как доминирование и следование, в другом – взаимное дополнение, в третьем – параллельное, независимое друг от друга влияние.

Экономическое образование как одно из событий причины, кроме собственно знаний, умений и навыков включает и методы преподавания, которые могут опосредствовать действие причины. К *внешним факторам* в рассматриваемом случае можно отнести и межличностные отношения, сложившиеся в классе между учениками, между учениками и учителем, преподающим данный предмет, а также социально-психологический климат, атмосферу в учебной группе и т. п. Причем *сила и активность* данных факторов на разных этапах развития будет отличаться. Например, в случае с младшими школьниками взаимоотношения со сверстниками проявили себя как очень слабый внешний фактор, а их отношения с педагогом как более сильный. Поэтому если в исследовании, проведенном на младших школьниках, эти отношения носили опосредствующий характер, то в аналогичной

работе, выполненной на студентах финансово-экономического колледжа (Дробышева, 2007), отношения со сверстниками и педагогом играли роли то *внешнего фактора*, то *социально-психологической предпосылки* и имели сильное влияние на каузальную связь. Данный пример экспериментально подтверждает положение Б. Ф. Ломова о рекомбинации системы детерминант на разных этапах развития личности (Ломов, 1982, 1984, 1996).

Более подробно на примере результатов ранее опубликованного исследования, выполненного на младших школьников (Дробышева, Журавлев, 2004), можно проследить и за *характером действия детерминант*.

1. Эффект *«отсутствие динамики»* в данном исследовании был вызван сильным влиянием *внутренней детерминанты* одной из причин («экономическое воспитание в семье») – ориентациями родителей на базовые ценности (здоровье и т. п.), которые совпадали с аналогичными у детей. Они устойчивы во времени и определяют самое важное и самое неважное в жизни исследуемых школьников.

2. Эффект *«общая динамика»* обусловлен *внутренним фактором* «возраст». Он характеризуется направленностью как на позитивные, так и на негативные изменения в ценностной структуре школьников. Это очень сильная и активная детерминанта, поскольку противостоит целенаправленному воздействию образования и воспитания как контролируемых воздействий. Конечно, кроме нее могут быть рассмотрены и другие факторы, но в данном исследовании эта работа не проводилась.

3. Эффект *«парциальная динамика»* (*контрольные группы*). В данном случае рассматривались те изменения, которые были получены в группах «не обучавшихся» школьников. Результаты показали, что *внутренний фактор* «возраст» выступает здесь уже как одна из причин, вступая в связь с семейным экономическим воспитанием, которое ни по содержанию, ни по структуре детерминации в экспериментальных и контрольных группах не различалось. Можно предположить, что здесь наряду с вышеуказанными, присутствовали и другие причины, не изучаемые в нашей работе. Например, нравственное и гражданское воспитание в семье и т. п.

В качестве *внутренних факторов* рассматриваемой каузальной связи в данном случае были приняты половая принадлежность респондентов; показатели социальной активности, ценностные ориентации родителей (в контрольной группе сходства было больше, чем в экспериментальной). К данной категории факторов можно отнести и родительские установки, которые были присвоены школьниками и стали регуляторами их поведения и т. п.

Внутренней *предпосылкой* в рассматриваемом примере стал опыт школьников обращения с деньгами (планирование расходов карманных денег), который у всех детей (обучавшихся и не обучавшихся) до эксперимента был примерно одинаковый. Однако связь данной предпосылки с экономическим воспитанием была «подавлена» фактором-причиной «возраст», который продемонстрировал более сильное влияние, чем изучаемые *внешние факторы* и подчинил себе направленность воздействия. Именно этим фактом объясняется возрастание значимости соматических ЦО у не обучавшихся школьников в сравнении с обучавшимися (хорошо выглядеть, иметь красивую фигуру) и т. п.

4. Эффект *«парциальная динамика»* (экспериментальные группы) рассматривался как психологический критерий экономической социализированности школьников. При включении еще одной причины – экономическое образование – в модель, система детерминации усложнилась.

Знания и умения, которые накапливаются в сознании и реализуются в действиях в течение более длительного периода времени (в условиях семейного воспитания), составляют определенную *основу* для будущих изменений. Однако произойдут или нет эти изменения, а также направленность, характер этих изменений (динамика ЦО), зависит и от силы, целенаправленности второго события, т. е. обучения в школе. Если элементы экономического воспитания в семье будут противоречить тем знаниям экономики, которые преподаются в школе, эффект будет нивелирован, сглажен, ослаблен, а может быть, и изменен (например, вместо положительной направленности получим отрицательную динамику и т. д.). Тогда можно будет рассуждать о *конфликтных (либо противоречивых) отношениях* событий, составляющих изучаемую причину. Если же семейное экономическое воспитание усилит воздействие обучения и, соответственно, приведет к большей динамике, характеризующей эффект, то их отношения могут быть определены как *взаимодополняющие* друг друга. При этом оценка временных (длительность их существования) и других характеристик событий причины поможет выявить, что является основой изменений, а что «пусковым механизмом», являются ли они равными по силе и активности, либо одно из них занимает в иерархии более высокие позиции, в соответствии со своей значимостью.

В нашем случае стало очевидным, что экономическое воспитание в семье младших школьников подготавливает те изменения в их структуре ЦО, которые вызывает вторая причина – «экономическое образование». Поэтому можно сказать, что эти две причины связаны между собой отношениями, именуемыми как *дополнительные*. Экономическое воспитание усиливает влияние второй причи-

ны в направлении повышения значимости волевых, материальных ЦО и социальной активности как ценности. При этом возраст и пол здесь выступают как внутренние факторы, которые усиливают влияние экономического воспитания в отношении эмоциональных ЦО (как известно, с возрастом их значимость постепенно снижается). Но экономическое образование активизирует этот процесс.

Школьная успеваемость по базовому набору учебных дисциплин была представлена в работе как *общая предпосылка* к обучению основам экономических знаний. Ее влияние проявляется в интеллектуальной готовности к усвоению новой системы знаний. В качестве *специальной предпосылки* приняли жизненный опыт ребенка, включающий умения распоряжаться (планировать и тратить) карманными деньгами, бартерные отношения со сверстниками, навыки зарабатывания в семье (оплата за бытовой труд и учебную деятельность приветствуются до сих пор) и т. п.

В **заключение** следует добавить, что рассматриваемая система детерминации была бы неполной, если бы мы не сказали о том, что феномен, принимаемый как *эффект* в упомянутом исследовании, может стать в дальнейшем *причиной*, к примеру, поведения субъекта. Именно тогда мы можем утверждать, что восстанавливается двусторонняя связь между психическим и социальным миром. К примеру, изменившиеся в процессе экономического образования ценностные ориентации могут быть рассмотрены в качестве регуляторов экономического поведения или как внутренние факторы отношений субъектов в социальной среде.

Литература

- Дейнека О. С. Экономическая психология // Учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Исследование раннего экономического образования как фактора экономической социализации (на примере ценностных ориентаций) // Проблемы экономической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 412–444.
- Дробышева Т. В. Экономическая социализация формирующейся личности // Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития / Мат-лы межд. науч.-практ. конф. СПб., 2008. С. 116–121.
- Дробышева Т. В. Экономическое образование как фактор экономической социализации в раннем юношеском возрасте: ценностный аспект // Психология образования: подготовка кадров и просвещение / Матер. IV национальной науч.-практ. конф. М., 2007. С. 173–175.
- Журавлев А. Л. «Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 198–222.

- Корнилова Т.В.* Экспериментальная парадигма, или ложные дихотомии в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 95–118.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф.* Об исследовании законов психики // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 18–30.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Сухорукова Н. Г.* Экономическое поведение. Новосибирск: Изд-во НГАЭиУ, 2001.
- Хащенко В. А.* Социально-психологические детерминанты экономической идентичности личности // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 513–556.
- Шорохова Е. В.* Принцип детерминизма в психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 9–56.

«ТЕЛЕАГРЕССИЯ» КАК ФАКТОР АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е. С. Дронова (Киев, Украина)

Средства массовой информации на сегодняшний день выполняют не только информационные, но и педагогические функции. Но, к сожалению, учат они не только умному, доброму и вечному, часто можно отметить антигуманную направленность телепередач и радиопередач, которые пропагандируют вседозволенность, жестокость, распущенность, агрессивность. Жертвами таких программ в первую очередь становятся дети, несовершеннолетние, молодежь, чья психика еще не до конца сформировалась и является чувствительной для любого влияния извне, особенно со стороны телевидения. Например, многие телепрограммы несут в себе скрытое сообщение того, что насилие – это допустимое поведение, которое ведет к успеху и популярности. Некоторые несовершеннолетние «воспринимают» это сообщение как уменьшение сдержанности, которая препятствует выходу враждебных ощущений во внешнюю среду.

В США программы, которые подстрекают насилие, занимают приблизительно 200 телевизионных часов на неделю. 81% всех программ демонстрируют сцены насилия, которые часто далеки от реальности. Например, 73% телевизионных героев, которые практикуют насильственные действия, остаются ненаказанными, и 58% актов насилия ни-

кому не наносят страданий и увечий. Лишь 16% всех программ демонстрируют некоторые реальные долговременные последствия насилия.

Для детских программ этот показатель снижается до 5%. Как продемонстрировали исследования А. Бандуры, посвященные проблемам копирования и подражания: несовершеннолетние могут научиться новым для себя агрессивным действиям, наблюдая насилие и агрессивное поведение других. В любом случае они становятся более склонными действовать агрессивно. Дети не всегда могут разобраться в телевизионной интриге.

Проблеме влияния телевидения на агрессивность личности в настоящее время посвящено большое количество научных работ. На наш взгляд, представляют интерес эксперименты А. Бандуры.

Детям показывали фильм, герой которого проявлял вербальную (языковую) агрессию. Дальше в одном случае он был наказан, в другом – вознаграждался, в третьем – его поведение не вызывало никакой реакции. После этого детей ставили в ситуацию, которая предоставляла им возможность воспроизвести поведение, которое они наблюдали. В тех случаях, когда киногерой одобрялся, подражание имело место чаще, чем тогда, когда он наказывался. Потом увиденное в фильме поведение детям предложили воспроизвести как можно точнее и обещали вознаграждение за это. И дети, которые перед этим сдерживались от подражания агрессивному поведению образца (модели), в этом случае получили максимальные показатели. Это свидетельствует о достаточном усвоении и включении в репертуар потенциальных действий данной формы агрессивного поведения. Следует отметить, что мальчики проявляли большую готовность «наследовать» поведение агрессивного персонажа, чем девочки.

Любители агрессивного жанра телевидения на Украине составляют приблизительно 40%. Большую часть аудитории составляют несовершеннолетние и дети младшего школьного возраста. Такой высокий рейтинг фильмов ужасов и боевиков вызывает ярое сопротивление со стороны взрослых, но нельзя забывать, что именно взрослые подают пример подрастающему поколению.

Еще один эффект телевизионного насилия состоит в том, что оно уменьшает чувствительность к сценам насилия. Как скажет всякий, кто присутствовал при уличных беспорядках или нападениях, телевизионное насилие «стерилизованное» и нереалистичное, а реальное насилие очень грубое, жестокое и отвратительное. И даже когда оно демонстрируется достаточно правдоподобно, телевизионное насилие предстает перед нами на экране, когда мы находимся в спокойной домашней среде.

Для некоторых зрителей такие обстоятельства приводят к ослаблению эмоциональных реакций на сцены насилия. Когда В. Клайн и его

коллеги демонстрировали группе мальчиков записанную на пленку сцену кровавой драки, они выяснили, что «заядлые» телезрители (которые сидят перед телевизором в среднем 42 часа на неделю) проявляют меньше эмоций, чем те, кто редко смотрит телевизор, или совсем его не смотрит.

Согласно теории социального научения, «агрессия порождает агрессию». Другими словами, зрелище спортивного боя или телевизионного насилия может увеличивать склонность к агрессии, вместо того чтобы обеспечить отток для агрессивных склонностей. Этот факт подтверждается исследованиями психолога Л. Ерона, который проследил жизнь 600 чел. в течение 22 лет, с детства до зрелого возраста. Он отметил, что одним из наилучших показателей того, насколько агрессивным будет несовершеннолетний в возрасте 19 лет, оказался уровень насилия в телевизионных передачах, которые он любил смотреть в 8 лет.

Установлено, что зрители, которые смотрят передачи, содержащие насилие, выделяются более агрессивными мыслями, а агрессивные мысли предшествуют агрессивным действиям. Таким образом, раскручивание спирали агрессии можно остановить, если мы не будем так часто изображать, вознаграждать и воспевать агрессивное поведение.

Литература

- Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 1999.
- Берковиц Л. Агрессия: Причины, последствия, контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
- Влияние средств массовой коммуникации на интересы детей и молодежи // Сб. науч. трудов. М.: НИИОП, 1989.
- Кун Д. Все тайны поведения человека. СПб., 2003.
- Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование // Сб. науч. трудов. М., 1990.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. А. Журавлева (Москва)

В современном российском обществе большой научный интерес представляет изучение новых тенденций в ценностных ориентациях людей. Формирование различных подструктур сознания личнос-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-06-00 530а.

ти, в том числе и ценностной, в большой степени детерминировано теми социально-экономическими условиями, в которых человек осуществляет свою жизнедеятельность. Поэтому, когда преобразуется общество, ценностные ориентации личности и различных социальных групп в целом закономерно трансформируются

С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что «объективные отношения, в которые включается человек, определяют его субъективное отношение к окружающему, выражающееся в его стремлениях, склонностях и т. д. Эти последние, сложившиеся под воздействием внешних условий, в свою очередь опосредствуют зависимость поведения, деятельность людей от внешних условий, от объективных отношений, в которых живет человек» (Рубинштейн, 1957, с. 227–228). «Объективные отношения обстоятельство раскрываются, преломляются через внутренние закономерности субъекта, через его способ видения, восприятия этих обстоятельств, через систему субъективных отношений человека» (Шорохова, 1976, с. 19). Как пишет Е. В. Шорохова, «основная задача психологической науки, основная линия психологического исследования заключается в раскрытии внутренних психологических условий, опосредствующих психологический эффект внешних воздействий на субъекта» (Шорохова, 1976, с. 17).

Когда трансформируются социально-экономические условия, то люди изменяют свои приоритеты в ценностных ориентациях, адаптируясь к новой социальной среде. На основе жизненного опыта личности, перестройки ее жизненных планов и взаимоотношений с окружающей социальной действительностью происходит переоценка человеком системы своих ценностей. В итоге в условиях преобразования общества появляются новые социальные нормы и ценности, правила и образцы социального поведения, изменяются социальные представления, отношения, ожидания и идеалы, на которые личность и разные социальные группы начинают ориентироваться, по-другому их оценивают.

Ценностное сознание молодежи, которое формировалось в условиях интенсивных социально-экономических преобразований в российском обществе, подвергалось радикальным изменениям (Козлов и др., 1993; Попова, 1994). Наиболее активно личностное самоопределение в различных жизненно важных сферах (образовании, будущей профессиональной деятельности, семейной жизни, культуре, политике и т. д.) начинается в старшем школьном возрасте и продолжается в период ранней зрелости (Бобнева, Дорофеев, 1997; Бубнова, 1998; Дырин, Чичаева, 1999; Леонтьев, 1998; Собкин, 1997). Именно на данном возрастном этапе развития происходит интенсивное формирование собственных взглядов, убеждений, системы идеалов, ценностей

и ориентаций в жизни каждого человека. В это время складывается система устойчивых взглядов на мир и свое место в нем – мировоззрение, осуществляется выбор жизненного пути, что в целом составляет основу направленности личности, ее ценностных ориентаций. В силу возрастных психологических особенностей развивающейся личности, данная система еще недостаточно стабильна, поэтому специфические условия социального бытия в период радикальных социально-экономических трансформаций в 1990-е годы за счет изменения социальной ситуации развития личности не могли не сказаться на формировании ценностной подструктуры сознания молодежи.

В нашем исследовании принимали участие школьники 10–11-х классов г. Москвы и студенты московских высших учебных заведений. На разных этапах исследование выполнялось на строго сопоставимых разнородных выборках, которые уравнивались по полу, возрасту, представительству от классов и курсов обучения, овладеваемым профессиям, числу учащихся от того или иного учебного заведения. Исследовательские «срезы» осуществлялись каждые 2–3 года в течение 12 лет: в 1994, 1997, 1999, 2001, 2003 и 2006 гг. Для изучения ценностных ориентаций личности применялся адаптированный В. А. Ядовым вариант методики М. Рокича «Ценностные ориентации».

Динамика ценностных ориентаций студентов в условиях социально-экономических изменений. По сравнению с серединой 1990-х годов (1994 г. и 1997 г.) в начале XXI в. (2006 г.) более выраженными стали ориентации студентов на социальную ответственность: более значимой с 2003 г. стала ценность семьи (с 4-го места она передвинулась на 2-ое) и с 2006 г. – собственно ответственность (с 10-го на 5-ое место). В структуре жизненных приоритетов студентов возросла значимость экономических и прагматических ценностей: материальной обеспеченности (с 7-го места она переместилась на 5-ое), предприимчивости (с 11-го на 3-ое место), эффективности в делах (с 13-го на 10-ое место), богатства (с 14-го на 9-ое место) и собственности (с 18-го на 17-ое место). Более низкие ранговые позиции в иерархии ценностных ориентаций студентов стали занимать этические ценности: честность (с 3-го на 4-ое место), самоконтроль (с 5-го на 8-ое место) и воспитанность (с 6-го на 12-ое место). Менее значимой, по сравнению с серединой 1990-х годов, для студентов стала творческая самореализация: ценность творчества с 8-го места переместилась на 13-ое, широта взглядов – с 9-го на 14-ое место. Снизился и ранговый «вес» ценностей самоутверждения: независимости (с 4-го на 6-ое место) и красоты (с 12-го на 14-ое место).

Таким образом, можно констатировать происшедшее за последнее десятилетие смещение акцентов в ценностном сознании студентов

с направленности на творческую самореализацию и этические ценности к ориентации на социальную ответственность, экономические и прагматические ценности.

Особое внимание привлекает тот факт, что в 2003–2006-х годах, по сравнению с 2001 г., впервые зафиксировано существенное снижение значимости группы ценностей, «вес» которых для студентов постоянно возрастал с 1994 по 2001 г. Так, в 2003 г. достоверно снизился ранговый «вес» ценности образованности, но сохранилось 1-е место, менее значимыми стали ценности социально-психологического комфорта: любовь, как и в 1997 г., вновь стала 3-й по значимости, уверенность в себе с 5–7-ых ранговых позиций переместилась на 8-ую, жизнерадостность – с 6–7-ых ранговых мест – на 11-е. В условиях экономического роста аналогичная тенденция характеризовала и ряд ценностей экономической активности, значимость которых для студентов до 2001 г. возрастала. К 2003–2006 гг. значимость эффективности в делах с высокого 5-го рангового места переместилась на 10–11-е, значимость инструментальных ценностей богатства и собственности снизилась соответственно с 9-го на 13-е и с 12-го на 18-е место. От «среза» к «срезу» все большую значимость для студентов продолжает приобретать терминальная ценность богатства. Высокое – 3-е ранговое место по-прежнему сохраняет значимость предприимчивости.

В свою очередь, в 2003 г. в ценностном сознании студентов возросла значимость целого ряда ценностей, которые в период 1994–2001 годов становились менее значимыми для них. К 2003 г. большую значимость приобрели ориентации студентов на честность (с 11-го на 4-е место), воспитанность (с 18-го на 12–13-е места) и активную жизнь (с 14-го на 9-е место). К 2006 г. вновь возрос приоритет ценности здоровья, достигнув уровня 1997 г., при этом сохранилось 1-ое ранговое место, и творчество с 15-го места переместилось вновь, как и в 2001 г., на 13-е. Относительно низкие ранговые места в иерархии ценностных ориентаций студентов по-прежнему сохраняют ценности широты взглядов и самоконтроля.

Обнаруженный в 2003–2006 гг. поворот в динамике ценностных ориентаций студентов, имевшей место с первой половины 1990-х годов и в начале XXI в., свидетельствует о некоторой переоценке системы ценностей, существовавшей на протяжении 8 лет. В результатах эмпирических «срезов» 2003–2006 гг. выявлена тенденция переосмысления (некоторого снижения) значимости прагматических ценностей и ценностей социально-психологического комфорта и возвращения к более выраженной ориентации личности на самореализацию (творчество), активный образ жизни (здоровье, активную жизнь) и этические ценности (честность, воспитанность, терпимость).

По результатам исследования, в периоды после острых социально-экономических кризисов (после 1992–1993 гг. – «срез» 1994 г. и после 1998 г. – «срез» 1999 г.), по сравнению с периодами относительной стабилизации социально-экономических условий жизнедеятельности (1997 и 2001–2006 гг.) структура ценностных ориентаций студентов меняется. В периоды смены относительно стабильных социально-экономических условий жизнедеятельности острым социально-экономическим кризисом возрастает значимость первого комплекса ценностей, в который входят ценности деловой и экономической активности: материальной обеспеченности (с 7-го места она перемещается на 5-е), работы (с 8-го на 6-е место), а также ценности, способствующие эффективному достижению жизненных целей: твердой воли (с 10-го на 3-е место) и мудрости (с 12-го на 9-е место). Полученные данные можно объяснить резким снижением уровня материального благосостояния студентов в условиях экономического кризиса в обществе, необходимостью совмещать учебу с работой.

В кризисных социально-экономических условиях в ценностном сознании студентов формируется и второй комплекс ценностей: снижается значимость ориентаций личности на активное проведение досуга: общение с друзьями (со 2-го на 4-е место) и развлечения (с 10-го на 16-е место), а также личную свободу и самоутверждение: независимость (со 2-го на 5-е место), свободу (с 5-го на 8-е место), смелость в отстаивании взглядов (с 8-го на 12-е место) и непримиримость к недостаткам в себе и других (19-е место). Соответственно, в условиях относительной социально-экономической стабилизации ранговый «вес» данных ценностей повышается. Этот факт, по-видимому, связан с увеличением свободного времени для досуга, общения с друзьями и развлечений, с одной стороны, и благоприятными условиями для самоутверждения, – с другой. В периоды радикального реформирования экономики резко снижается значимость для студентов группы этических ценностей: честности (с 3-го на 11-е место) и терпимости (с 5-го на 14-е место).

Таким образом, динамика ценностных приоритетов студентов в условиях экономической дестабилизации в обществе характеризуется переходом от направленности на этические ценности, общение, самоутверждение (типичной для данной возрастной и социальной группы) к направленности на экономическую и деловую активность, к твердости воли и мудрости в принятии решений (свойственным более старшим по возрасту и работающим социальным группам).

Динамика ценностных ориентаций старших школьников в условиях социально-экономических изменений. С 1997 г. от «среза» к «срезу» в ценностном сознании старших школьников продолжает повышаться ранговый «вес» смелости в отстаивании взглядов: с 9-го

до 2-го места. В 90-е годы динамикой возрастания значимости характеризовались ценности семьи (с 4-го на 2-е место) и материальной обеспеченности (с 8-го на 5-е место). Ценность семьи к 2006 г. осталась на 2-й ранговой позиции, а значимость материальной обеспеченности в 2003–2006 гг. несколько снизилась, хотя и сохранила 5-ую ранговую позицию. В период с 1994 по 2003 г. от «среза» к «срезу» все большую значимость для старших школьников приобретали ориентации на ценности ответственности (с 11-го на 3-е место) и предприимчивости (с 13-го на 9-ое место). В 2006 г. была выявлена выраженная тенденция снижения их значимости соответственно до 9-го и 12-го мест. Дважды – в 1997 г. и 2003 г. возрастанием своей значимости характеризовалась ценность работы. К 1997 г. в структуре жизненных целей старшеклассников она переместилась с 10-й ранговой позиции на 6-ю, а позднее – на 5-ю, но в 2006 г. ее значимость вновь снизилась до 8-й строчки в ряду терминальных ценностей. На протяжении 1994–2001 гг. приоритетное положение в иерархии ценностных ориентаций постепенно стала занимать ценность красоты (с 15-го места она передвинулась на 8-е), а в 2003 г. ее значимость вновь снизилась до 12-го рангового места. К 2003 г. большую значимость для старших школьников приобрела ценность эффективности в делах, став 10-й по рангу, а в 2006 г. вновь вернулась на 13-е ранговое место.

От «среза» к «срезу» в иерархии ценностных приоритетов старших школьников снижался вес группы альтруистических ценностей: любви (со 2-го на 4-е место) и чуткости (с 14-го на 18-е место). С 1997 г. менее значимыми для представителей данной социальной группы стали ценности независимости (она переместилась со 2-го рангового места на 4-е) и воспитанности (ее значимость снизилась с 6-го до 11-го места). Если к 2006 г. в структуре ценностных ориентаций старшеклассников ранг независимости не изменился, то ранговый «вес» воспитанности вновь вырос до 5-го места.

В период с 1994 по 2003 г. в структуре ценностных ориентаций этой возрастной группы от «среза» к «срезу» снижался ранг терминальных ценностей счастья других и мудрости. С 11-го места «счастье других» переместилось на 15-е место, а значимость мудрости с 6-ой ранговой позиции снизилась до 13-й. К 2006 г. в ценностном сознании старшеклассников был зафиксирован рост значимости этих ценностей – они переместились соответственно на 9-ю и 10-ю строчки в ряду терминальных ценностей. В период 1994–2001 гг. в иерархии ценностных приоритетов старшеклассников теряла приоритет и инструментальная ценность жизнерадостности, переместившись с 5-го на 10-е место, а в 2003 г. она вновь, как и в 1997 г., заняла достаточно высокое 6-е ранговое место. С 1994 по 1999 г. в ценностном сознании

старших школьников происходило снижение значимости ценности самоконтроля с 8-го до 12-го места, а в 2003–2006 гг. ее ранговый «вес» снова возрос до 10-го ранга.

Таким образом, за последнее десятилетие в структуре жизненных приоритетов старшеклассников произошел переход от направленности на самоутверждение (независимость, мудрость) и альтруистические ценности (любовь, чуткость) к направленности на социальную ответственность (семью и собственно ответственность), экономическую активность и прагматические ценности (материальную обеспеченность, предприимчивость, смелость в отстаивании взглядов).

Специально следует выделить те ценности, значимость которых однонаправленно изменялась для старших школьников в 1994–2001 гг., а в период экономического роста в 2003–2006 гг. стала возвращаться к степени значимости, характерной для середины 1990-х годов. В ценностном сознании старшеклассников зафиксировано возвращение более высокой значимости этических ценностей (счастья других, самоконтроля, воспитанности), мудрости и жизнерадостности. При этом несколько снизился приоритет ценностей деловой и экономической активности (работы, ответственности, материальной обеспеченности, эффективности в делах) и ценности красоты.

В условиях после острого социально-экономического кризиса (после 1992–93 гг. – «срез» 1994 г. и после 1998 г. – «срез» 1999 г.) в структуре ценностных ориентаций старших школьников, возрастает значимость первого комплекса ценностей, в который входит группа волевых ценностей: твердой воли (с 3-го места она переместилась на 2-е), терпимости (с 15-го на 4-е место) и уверенности в себе (с 9-го на 6-е место). Более значимым становится здоровье (1-е место). Кроме того, в условиях экономической дестабилизации более важную роль в иерархии ценностных приоритетов старших школьников приобретают познавательные ценности: образованность (1-е место) и собственно познание (с 18-го на 12-е место).

В периоды после острых социально-экономических кризисов в ценностном сознании старших школьников формируется и второй комплекс ценностей. Во-первых, снижается значимость ориентаций личности на самореализацию: свободу (с 4-го места она резко уходит на 9-е), активную жизнь (с 12-го на 15-е место), творчество (с 16-го места перемещается на 17-е) и широту взглядов (с 13-го на 16-е место). Во-вторых, теряет приоритет ценность активного проведения досуга: общения с друзьями (со 2-го места перемещается на 4-е) и развлечений (с 11-го на 15-е место). В-третьих, обнаруживается снижение рангового «веса» высокого материального благосостояния: богатство как терминальная ценность с 8-ой ранговой позиции передвигается

на 10-ю, как инструментальная ценность – с 5-й на 11-ю строчку, собственность как терминальная ценность с 17-го места перемещается на 18-е и как инструментальная ценность – с 15-го на 18-е место.

Оценивая в целом выявленные тенденции, можно говорить о том, что в условиях экономического кризиса в обществе происходит замещение характерной для данной возрастной группы направленности на общение, активную жизнь и самореализацию (свободу и творчество) ориентацией на получение образования, поддержание «жизненного тонуса» (здоровье, уверенность в себе) и волевую самоорганизацию, свойственной более старшим возрастным группам людей.

Следует отметить, что структура ценностных ориентаций студентов по сравнению со старшеклассниками в условиях экономической дестабилизации в обществе оказалась менее динамичной. Этот факт можно объяснить тем, что структура их ценностных приоритетов является в большей степени сформированной и, соответственно, более устойчивой, по сравнению с иерархией ценностных ориентаций учащихся старших классов.

Литература

- Бобнева М. И., Дорофеев Е. Д.* Изменение ценностных систем личности в период преобразования общества // Ценностное сознание личности в период преобразования общества. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
- Бубнова С. С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
- Дырин С. П., Чичаева И. И.* Проблемы формирования профессиональных ценностей у студентов управленческих специальностей // Социально-психологические проблемы образования: ценностно-мотивационный аспект. Казань, 1999.
- Козлов А. А., Гришина Е. А., Ильинский И. М.* Ценностные ориентации молодежи // Молодежь России: тенденции, перспективы. М.: Молодая гвардия, 1993.
- Леонтьев Д. А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1.
- Попова И. В.* Тенденции изменений ценностных ориентаций старшеклассников в условиях реформ 1990–1993 гг. (на примере Костром. обл.): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1994.
- Собкин В. С.* Динамика ценностных ориентаций в старшем школьном возрасте: Автореф. докт. дис. в виде научн. докл. М., 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
- Шорохова Е. В.* Социальная детерминация поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976.

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Н. В. Иванова (Курск)

Отечественные и зарубежные психологи изучали и продолжают активно изучать проблему целеполагания, функциональную роль этого явления в развитии личности, и его зависимость от внутренних и внешних факторов. Цели реализуются в деятельности и являются отражением внутреннего мира человека, но цели детерминированы и условиями самой жизнедеятельности общества.

Особая заслуга в разработке принципа детерминации в психологии принадлежит С.Л. Рубинштейну. Определяя суть детерминации психического через диалектику внешних и внутренних условий, С.Л. Рубинштейн делал акцент на внутреннем опосредовании внешних воздействий: «Результат любого воздействия на явление или предмет зависит не только от явления или тела, на него воздействующего, но и от природы, от собственных внутренних свойств того предмета или явления, на которое это воздействие оказывается» (Рубинштейн, 2000, с. 11).

Как отмечали К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский, при такой трактовке не только внешнее выступает в качестве определяющих причин, но и выявляется роль причин внутренних, а также роль самопричинения, самодвижения (Абульханова-Славская, 2001; Брушлинский, 1991).

С.Л. Рубинштейн не только разработал понятие внутреннего для психических явлений, но и выдвинул принцип детерминизма как принцип качественно усложняющихся зависимостей внешнего и внутреннего на разных уровнях бытия. Уточняя положения о диалектике внешнего и внутреннего, С.Л. Рубинштейн считал, что во всех случаях приходится иметь дело с единством или взаимосвязью внешних и внутренних условий, но роль как внутренних, так и внешних условий может быть различной. В одних случаях действующие причины лежат вовне: внутренние свойства явления или тела, на которое они воздействуют, образуют лишь условия, опосредующие действие внешних причин и модифицирующие эффект их воздействия в пределах, допускаемых этими причинами. В других случаях, наоборот, внешние причины являются лишь условиями изменений, происходящих в силу внутренних противоречий, заключенных в самих изменяющихся вещах или явлениях (Рубинштейн, 2000, с. 147).

Среди детерминант жизнедеятельности людей С.Л. Рубинштейн различает внешние обстоятельства, среду, в которой протекает их жизнь и деятельность, и собственно условия жизни. Активность,

избирательность человека как субъекта жизни объективно проявляется в выделении им из среды в качестве условий жизни того, что «отвечает требованиям, которые объективно предъявляет к условиям своей жизни человек в силу своей природы, своих свойств, уже сложившихся в ходе жизни» (Рубинштейн, 2000, с. 65).

Изменяются условия жизни человека, следовательно, изменяются потребности, интересы, желания человека, преобразуются ценностные и целевые ориентации, и как итог – поведение. В. Франкл рассматривал цели человека как врожденную мотивационную тенденцию, основной двигатель поведения и развития человека, путь к его самоактуализации и реализации себя (Франкл, 1990).

Поставленная и осознаваемая цель является ключом к пониманию направления деятельности личности, отражает ее внутренний мир и отношение к внешнему. Это особенно актуально в условиях современной нестабильной ситуации в стране и слабой социальной защищенности молодежи. Кризисные моменты, связанные со значительными изменениями во всех сферах современного общества, не могли не отразиться на ценностных ориентациях современной молодежи, в том числе и на ее элите – студенчестве. Исследования современных ученых свидетельствуют о значительной неустойчивости моральных критериев, неуверенности в завтрашнем дне, потере интереса к духовным ценностям у студентов, в то время как молодость – время построения глобальных жизненных планов и долгосрочных перспектив.

Данная работа является продолжением цикла исследований по данной тематике, и своей целью мы видим изучение характера приоритетных целей современной молодежи, их анализ по гендерному признаку и профессиональной принадлежности.

Исследование было проведено в 2008/2009 учебном году среди студентов факультета иностранных языков 3–5 курсов КГУ в составе 205 чел. (183 девушки и 22 юноши) и среди студентов машиностроительного факультета 4 курса КГТУ в составе 215 чел., из которых 14 девушек и 201 юноша. Для проведения исследования нами были выбраны студенты двух вузов, так как их состав полностью удовлетворяет цели нашей работы: дифференциации по половому признаку и профессиональной принадлежности. Была применена авторская методика, разработанная на основе опросника И. Г. Дубова по изучению целей больших социальных и половозрастных групп (Дубов, 2002). Методика направлена на выявление приоритетных целей молодежи, а также отношений между основными категориями ценностей: критерии удовлетворенностью рабочим местом (высокая заработная плата, личностный интерес, возможность карьерного роста), любовь

или материальная обеспеченность, приобретение статусной вещи или возможность получения 2-го образования, получение 2-го образования или создание семьи.

На первом этапе исследования студентам было предложено выбрать из 14 позиций наиболее приоритетные для них на данный момент (от 1 до 5 пунктов).

Результаты показали, что наиболее значимой целью большинства студентов является получение высшего образования (82%), так как учеба в вузе для них является основным видом деятельности, которая требует больших затрат сил и средств. Это подтверждает тенденцию к повышению ценности образования в современном обществе. Мы наблюдаем, что среди опрошенных представителей КГТУ большее количество тех, кто не считает получение высшего образования жизненной необходимостью (КГУ – 90%, КГТУ – 76%). Мы объясняем этот результат неудовлетворенностью выбранной профессией, неверием в возможности применения полученных в вузе знаний на рабочем месте. Многие студенты КГТУ уже имеют опыт работы и вполне удовлетворены ее результатами и рассматривают обучение скорее как препятствие, отнимающее массу времени и сил.

Второй целью является устройство на работу (76%). Юноши и девушки стремятся к самореализации, приобщению к миру взрослых, долгожданной независимости, проверке себя, применению накопленного ими опыта, приобретенных знаний, умений, навыков. Студенты КГУ в большей степени (87%) озабочены поисками рабочего места. Мы объясняем это нежеланием работать по специальности, но сфера применения полученных знаний не столь широка, насколько велики затраченные силы на ее получение. Кроме того, многие студенты КГТУ уже работали или сейчас продолжают работать и поэтому не видят трудности в поисках работы.

На третьем и четвертом местах оказались пункты «повысить свою конкурентоспособность» (54%) и «получить 2-е образование» (46%). Этот выбор также является характерной чертой данной возрастной категории и современного состояния общества. Юноши и девушки активно и сознательно заняты своим самообразованием, что свидетельствует о развитии личности, становлении индивидуальности. Данный факт отображает современную ситуацию на рынке труда: наличие одного лишь высшего образования сейчас не является редкостью, и кроме крепких специальных знаний необходимо обладать массой дополнительных умений, навыков, чтобы увеличить свою ценность как работника и обеспечить профессиональное продвижение. По этому пункту также опережают студенты факультета иностранных языков (60%). Мы это объясняем их неуверенностью в том, что по-

лучаемая специальность может принести весомый материальный доход. Кроме того, в настоящее время знание иностранного языка не является редкостью, а скорее рассматривается как немаловажное, престижное, но не основное условие удачного трудоустройства.

Пятое по значимости место занимает цель – «найти свою настоящую любовь» (43%). Молодость – время любви и наибольшей половой активности. Перед юношами и девушками стоит задача выбора спутника жизни и создания семьи.

На шестом и седьмом местах находятся цели «приобрести машину» (32%), «приобрести квартиру» (25%). Как уже было сказано выше, наличие автомобиля является нормой современной жизни, количество автолюбителей возрастает с каждым годом, а их возраст снижается. Приобретение машины и ее качество является критерием успешности и социального статуса. Наличие отдельной жилплощади отражает желание отделиться от родителей, построить собственную семью, войти в мир взрослых.

Восьмое место (17%) занимает цель «найти хороших верных друзей». Мы предполагаем, что опрошенные молодые люди в силу различных причин не удовлетворены качеством своего общения с окружающими.

9 место поделили цели «уехать работать за границу по контракту» (10%) и «стать знаменитым» (11%). Мы можем сделать выводы о личностных характеристиках данных юношей и девушек, таких как амбициозность, целеустремленность, высокая самооценка. Уехать работать за границу по контракту обозначают своей целью 27% студентов факультета иностранных языков и 8% – машиностроительного. Мы полагаем, что решающую роль в этом выборе сыграла специфика профессии. Изучение языка не могло не развить у студентов интерес к иностранной культуре. Кроме того, многие студенты КГУ в поездке за границу видят единственный шанс применить свои знания иностранного языка для заработка. Но, что примечательно, 10 место занимает цель «навсегда уехать за границу» (10%) и среди них нет ни одного студента факультета иностранных языков. Мы объясняем этот факт тем, что молодые люди за границей видят перспективу только кратковременной занятости, которая позволит им заработать значительную (по российским меркам) сумму денег. Студенты КГУ понимают, что они не обладают какими-либо уникальными или востребованными на рынке труда других стран знаниями, в то время как у студентов КГТУ есть повод позавидовать своим иностранным коллегам, престиж профессии инженера все возрастает.

На втором этапе нашего исследования студентам были предложены сравнительные ситуации с целью определения отношений

между приоритетными целями. В методике представлены 4 ситуации, каждая из которых предполагает осуществление выбора.

При выборе приоритетов между интересной, высокооплачиваемой работой или предполагающей карьерный рост, были получены следующие результаты: 43% студентов дадут согласие на высокооплачиваемую работу; 30% – выберут интересную работу; 27% – предпочтут работу, предполагающую карьерный рост. Можно сделать вывод об устойчивой тенденции к заинтересованности, прежде всего, оплатой труда, нежели моральным удовлетворением в процессе деятельности и перспективами карьерного роста. Но здесь мы не можем говорить о подавляющем большинстве, так как разница между лидером и двумя другими критериями находится в пределах 15%.

Таким образом, несмотря на тот факт, что цель «получить 2-е образование» занимает 4 позицию, а «приобретение машины» – 7, юноши и девушки не упустят возможности купить желанную вещь, пожертвовав возможностью получить дополнительное образование. Опрошенные стремятся к приобретению материальных предметов как доказательства своей обеспеченности и определенного статуса.

В ситуации выбора между созданием семьи и получением 2-го образования чуть больше половины (53%) юношей КГТУ и 73% девушек КГУ предпочтут первое.

Данный результат доказывает, что хотя и создание семьи и получение 2-го образования входит в число лидирующих целей, на данном отрезке жизни и по результатам первой части нашего исследования занимают 4 позицию, все же в ситуации выбора студенты скорее предпочтут создание семьи.

Таким образом, можно отметить у современных студентов устойчивую тенденцию к практичности жизненных целей: основная часть ориентирована на обретение материальных ценностей в качестве значимых атрибутов успеха. При этом получение профессии и дополнительных знаний, умений и навыков расценивается как необходимые условия для достижения материального благополучия. Эта тенденция прослеживается как среди юношей, так и среди девушек. У девушек обнаруживается устойчивое стремление к эмансипации; достижение собственной материальной независимости и достатка; более того, они готовы отказаться от сложившихся личных отношений в пользу перспектив заработка. Стремление к саморазвитию и поиску своего места в обществе является характерной чертой данной возрастной категории. Юноши и девушки активно участвуют в различных мероприятиях и общественной жизни учебного заведения и региона, заинтересованно относятся к политическим и экономическим преобразованиям общества, но стремления дружить, создавать семью обесцениваются.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Субъект действия, взаимодействия, познания // Психологические, философские, социокультурные аспекты. М.: Моск. психолого-социальный ин-тут, Воронеж: МОДЭК, 2001. С. 36–53.
- Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–11.
- Дубов И. Г. Психология больших групп. М., 2002.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
- Франкл В. Человек в поисках смысла / Под. ред. Д. А. Леонтьева, Л. Я. Гозмана. М., 1990.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЗДОМНЫХ ЛЮДЕЙ

Н. Ю. Клюева (Москва)

Существует достаточно большое количество исследований, посвященных проблемам бездомного человека, однако фактически все они сводятся к изучению детерминант данного феномена и носят больше социологический характер. Личность же бездомного почти не затронута исследованиями. Однако именно данной теме следовало бы уделять более пристальное внимание для более успешной реабилитации этой части населения.

Под *бездомным* понимается человек, потерявший жилье и находящийся во взаимодействии с такими же, как он, людьми. То есть это человек, переживший некоторый кризис в жизни, вследствие которого он потерял жилье или возможность проживания в нем, а также утративший прежние социальные связи, и который, попав на улицу, обрел новые. Попадая на улицу, теряя прежние социальные связи и обретая новые, бездомный человек как бы «рождается» в совершенно другом обществе, где контакты с «прежним» социумом минимальны. Он интериоризирует ценности, традиции и смыслы этого «нового» для него общества, приобщается к нему, вырабатывая определенное отношение к этому новому миру, формируя новое отношение к самому себе и другим людям. То есть человек вступает в новые взаимоотношения с новым социумом и по-новому определяет себя в нем. И все взаимодействие в *системе «человек – человеческий мир»* приобретает качества взаимных отношений людей друг к другу, отношения индивида к себе и его отношения к миру (Старовойтенко, 2007).

Анализ исследований, посвященных проблемам бездомных людей, позволил выделить два их класса. Это, во-первых, исследования, направленные на изучение того, как человек входит в социальную

среду бездомности, адаптируется к ней, интериоризирует ценности, смыслы и традиции данной субкультуры, принимает социальный статус «неприкасаемого» (например, работы Е. М. Бабосова, К. Муздыбаева, благотворительной организации «Ночлежка» (С.-Петербург)). Во-вторых, исследования, посвященные людям, уже попавшим на улицу и живущим на ней некоторое время (С. А. Стивенсон, Ш. Браун, И. Ю. Дьяконов, М. Л. Бутовская).

Исходя из вышесказанного, основной целью нашей работы явилось изучение личности бездомного человека в контексте отношения к себе, своей жизненной ситуации и другим людям. Изначально выдвинуто предположение о том, что существуют некоторые качества личности, присущие всем бездомным людям. В процессе исследования были поставлены задачи определения отношения бездомного человека к самому себе и своей жизненной ситуации, к другим людям и социуму в целом, а также выявления смысловых ориентаций и отношения бездомных людей к своему прошлому, настоящему и будущему.

Для характеристики выборки исследования важен тот факт, что бездомные – это, как правило, мужчины, женщин среди них лишь 12% (в данном исследовании женщины участия не принимали). Все они изначально имели жилье, однако вследствие какого-либо кризиса в жизни они его утратили.

В работе использовано четыре методики исследования:

- 1) тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева был применен с целью определения смысла жизни, как врожденной мотивационной тенденции личности (В. Франкл), а также для того, чтобы выявить отношение бездомных людей к обществу и к своему «авторству» над жизнью, к жизни как процессу, к ее результатам и перспективам;
- 2) методика неоконченных предложений В. Б. Ольшанского направлена на оценку различных сторон личности бездомного в контексте отношений: жизненные ориентации, отношение к обществу в целом и отношение к значимым другим;
- 3) методика «Оценивание пятилетних интервалов» А. Кроника позволила оценить отношение бездомного человека к своей жизни, к ее прошлому, настоящему и будущему, подсчитать коэффициент реализованности жизни и психологический возраст;
- 4) групповая и индивидуальная беседа с респондентами проводилась на заключительном этапе исследования с целью обсуждения полученных результатов, т. е. бездомные люди говорили о других бездомных людях.

Результаты исследования. С помощью *теста смысловых ориентаций* Д. А. Леонтьева обследован 21 бездомный человек. В целом установлены следующие общие моменты: бездомные не считают, что управляют своей жизнью; повседневные дела не приносят им удовольствия; 90% обследованных не удалось найти интересных целей и признания в жизни; только 15% считают себя целеустремленными; бездомные полагают, что человек имеет возможность осуществить свой жизненный выбор, однако не относят это к себе; чаще всего окружающий мир приводит их в растерянность и беспокойство; бездомные «построили бы свою жизнь иначе, если бы была возможность»; бездомным «не скучно, их жизнь волнующая и захватывающая»; большинство имеют некоторые цели и намерения, им жизнь представляется осмысленной, целеустремленной; «жизнь их не сложилась так, как они мечтали»; большинство признают, что не добились успехов в осуществлении своих жизненных планов.

По методике «Неоконченные предложения» было опрошено 34 чел. В первом блоке вопросов, связанных с жизненными ориентациями, каждый человек (без исключения) хоть в одном ответе упомянул деньги: «Главная проблема лично моей жизни... отсутствие необходимых финансовых возможностей»; «Мои повседневные проблемы... работа, деньги, сигареты»; «Мои повседневные проблемы... финансы»...

Также были выделены такие проблемы, как алкоголь, игромания, отсутствие работы и документов – это и есть весь спектр целей, к которым стремится человек из этой среды. Некоторые (15%) из опрошенных также выделили как свои основные проблемы качества характера людей, такие как непонимание, либо свои личные качества.

Представление об обществе также показывает стремление бездомных к деньгам. Все, за исключением 8 чел., ответили, что люди делятся на «богатых и бедных», «плохих и хороших», «москвичей и приезжих». Отношения между людьми, по мнению бездомных, определяются как «натянутые, меркантильные, финансовые». Представляют, на наш взгляд, интерес несколько ответов, указывающих на стыд за собственный социальный статус, например: «Люди добры ко мне ... пока не узнают, что я бомж».

Методика «Оценивание пятилетних интервалов» проведена на 23 бездомных людях. Всем предлагалось заполнить таблицу, после чего рассчитывался психологический возраст и процент реализованности жизни. После этого совместно с бездомными были нарисованы графики жизни каждого присутствующего, проведен сравнительный анализ. После расчета показателя реализованности все респонденты были разделены на две группы. В первую группу вошли респонденты в возрасте 45–55 лет с высокими показателями реализованности – от 85

до 98%. Вторая группа с очень низким процентом реализованности (18–39%) – это люди в возрасте от 40 до 56 лет. 4 чел. имели средние значения (50–60%) показателя реализованности.

Анализ психологического возраста респондентов показал, что 10 чел. имеют психологический возраст на 10–13 лет меньше своего биологического, а 4 чел. на 6–8 лет больше. У остальных опрошенных значимых различий не выявлено.

В *индивидуальной беседе* приняли участие 4 бездомных человека, устроившихся работать в социальную гостиницу в качестве дворников, а также 2 человека, временно в ней проживающих, стаж бездомности которых более 1 года. Результаты беседы показали, что бездомные люди считают, что у них нет стимула вернуться обратно в общество и нет для этого социальных навыков. Существуют заметные различия между людьми, живущими на улице и проживающими в социальных учреждениях. Это проявляется в поведении, взаимодействии с другими людьми и ценностных ориентациях. Все опрошенные очень стыдятся своего социального статуса, однако было отмечено, что у совсем «опустившихся» стыд пропадает. Большинство бездомных утверждают, что сами виноваты в сложившейся ситуации, или, по крайней мере, виноваты частично.

Обсуждение результатов. Полученные результаты позволяют нам сформулировать ряд суждений об отношении бездомных людей к себе и своей жизни, а также об отношениях между людьми. Жизнь видится этим людям не вполне осмысленной, однако, скорее всего, люди редко задумываются о категориях смысла. Как было отмечено в беседе, бездомному каждый день нужно удовлетворять свои физиологические потребности, такие как еда, безопасность, а обращение к высшим ценностям происходит не часто.

Каждый день приносит этим людям что-то новое. Однако, что будет завтра, никто точно не знает. Конечно, повседневные дела не приносят удовлетворения, и людям часто скучно и однообразно. Однако это свойство не только этой категории граждан, таких большинство.

Общая осмысленность жизни у бездомных людей значительно ниже среднего уровня. Людям, живущим на улице, не удалось реализовать задуманные планы, жизнь сложилась не так, как они того хотели. Однако спектр целей бездомного человека весьма узок. Человеку хочется «получить документы» и «получить побольше денег». Что будет дальше, он не продумывает, не в силах абстрагироваться от своей конкретной ситуации.

Вопрос об отношении к себе – один из самых сложных в изучении данной категории людей. Они закрыты для других, однако из ответов индивидуальной и групповой беседы можно выделить, что бездом-

ные считают себя одинокими, брошенными людьми. Но бездомные не считают себя до конца заблудшими. «Если живут, значит, есть смысл» – так говорят они о себе в третьем лице. То есть они сохраняют еще в себе стремление к жизни, желание лучшего, свойственное всем людям. Они так же, как и все, расстраиваются, бывают растроганными, иногда плачут, сожалеют и в чем-то раскаиваются. Они почти все говорят, что, если бы была возможность, начали бы жизнь с того момента, как попали на улицу и прожили бы эту жизнь по-другому. Конечно, у них зачастую нет осознания того, что и сейчас они могут начать жить по-другому, с момента «здесь и сейчас».

Часто эти люди оправдывают себя, свой алкоголизм, свои упущенные возможности. Еще одной важной характеристикой отношения к себе является стыд. Человек, проживший на улице не так долго и еще имеющий желание вернуться в привычный для нас социум, испытывает очень сильное чувство стыда. Так как бездомные, как правило, попадают в эту ситуацию не по доброй воле, то чаще всего «мир» вызывает у них растерянность и беспокойство. Человек не знает, что ему делать: «земля уходит из под ног», «руки опускаются». То есть пропадает привычная точка опоры, мир резко меняется и человек зачастую не успевает перестроиться.

Бездомные не считают себя контролирующими собственную жизнь. Они признают, что не добились успехов в осуществлении планов, жизнь сложилась не так, и они построили бы свою жизнь иначе, если бы была возможность. Жизнью, по их мнению, управляют внешние обстоятельства.

Оценивая отношения между людьми, бездомные люди определяли их как «натянутые, меркантильные», что очень свойственно миру бездомных. Отношения строятся по принципу тюремных или стайных. Там каждый сам за себя, а вместе они собираются для того, чтобы выпить или пожаловаться друг другу на проблемы. Но в действительности, даже рассказывая о своих горестях, люди остаются не услышанными, так как каждый поглощен своими проблемами. Так как большинство бездомных людей хотя бы раз сидели в тюрьме и знают законы этих мест, то, выйдя на волю, они строят отношения с «коллегами» по тому же принципу, что и «на зоне». Данный факт является весьма значимым для формирования личности человека, попавшего в среду бездомных. Он понимает, что каждый сам за себя, каждый озлоблен и среди этих людей не найдешь настоящих друзей. Человек остается абсолютно одиноким.

Взаимоотношения между конкретными людьми нельзя охарактеризовать как близкие. По рассказам отдельных людей можно сделать выводы, что, собираясь вместе, они зачастую не говорят ни о чем зна-

чимом. Бездомные могут между собой обсудить какие-то мелкие события дня, женщин и вино, но о личностных переживаниях говорить в этой среде не принято. Так же, как не принято быть друзьями. Это является одной из традиций данной среды. Что, естественно, сказывается на личности бездомного человека. Он ожесточается, настраиваясь более негативно по отношению к другим людям. А это, в свою очередь, определяет законы взаимодействия в среде.

Таким образом, основными качествами бездомных людей являются: осознание отсутствия близких социальных связей (отсутствие друзей) и законов отношений в среде бездомных; низкий уровень ответственности (отсутствие готовности взять на себя ответственность за свою жизнь, непринятие контроля своей жизни); волевые нарушения (отсутствие активной позиции в жизни, признание изменения ситуации при отсутствии стимула); осознание отсутствия социальных навыков общения с обычными людьми; стыд за свой социальный статус; страх перед неизвестностью жизни; одиночество; оправдание своих пороков; осознание отсутствия долговременной жизненной перспективы; низкий уровень осмысленности жизни.

Литература

- Браун Ш.* Американские данные по бездомным. www.prosvetlenie.org.
- Муздыбаев К.* Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
- Проблема бездомности в Петербурге // Исследовательская группа «ЭКПОРГ». 2004. www.homeless.ru.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. 2-е изд. М., 1976.
- Старовойтенко Е. Б.* Культурная психология личности. М.: Академический проект, 2007.
- Стивенсон С. А.* О феномене бездомности // Социс. 1996. № 8. С. 26–33.

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

А. Б. Купрейченко (Москва)

Феномен самоопределения личности, выделенный философами, главным образом экзистенциального направления, разрабатывался также выдающимися отечественными психологами (Л. И. Божович, С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова и др.) и изучается многими современными авторами. В их работах заложены отдельные ключевые

элементы и свойства самоопределения: нравственная (или этическая) основа, относительная автономность субъекта и связанная с ними активность и ответственность. С. Л. Рубинштейном описаны следующие основные характеристики самоопределения: самодетерминация, собственная активность, осознанное стремление занять определенную позицию, самопознание (осознание своих внутренних свойств, своих потребностей, определение жизненных целей, ценностей и идеалов) и верность себе (сохранение и по возможности отстаивание этих ценностей и идеалов).

Подход к исследованию с позиций самоопределения является перспективным для изучения комплексных феноменов и целостной системы нравственно-психологических факторов экономического сознания и поведения личности и группы. Анализ самоопределения, под которым понимается поиск субъектом своего способа жизнедеятельности, способен дать достаточно полное и глубокое понимание мотивов, целей и направлений движения личности или группы в экономической сфере, социуме и собственной жизни.

Предметом нашего исследования выступали нравственно-психологические компоненты экономического самоопределения субъекта (они могут быть также определены как компоненты нравственного самоопределения в экономической сфере). В их ряду можно выделить: 1) самоопределение в отношении морали и нравственности как части экономического сознания и социального института, регулирующего экономические отношения; 2) самоопределение в отношении экономических объектов и явлений, а также стратегии поведения в случаях столкновения эгоцентрических и просоциальных экономических мотивов субъекта и др.; 3) нравственное самоопределение в экономических отношениях с другими людьми, группами и обществом в целом, а также формирование стратегий поведения при взаимодействии с ними в различных ситуациях и др.; 4) самоопределение субъекта в отношении собственной нравственности в экономических отношениях, в том числе механизмы ее саморегуляции, в частности представления о нравственном идеале и эталоне, а также способах и критериях их достижения.

Выполненное с 1996 по 2009 годы эмпирическое исследование, в котором приняло участие в общей сложности более 3500 чел., показало, что для наших современников характерна противоречивость и неоднородность нравственно-психологической составляющей экономического самоопределения. Так у значительных групп населения имеет место негативная оценка денег, собственности, богатства. Почти для трети респондентов характерна амбивалентность нравственных оценок экономических благ. Это является результатом неоднократных радикальных изменений идеологии российского общества и соци-

альных норм, признаком несформированности этических кодексов экономического взаимодействия. Амбивалентность и несформированность нравственно-психологических компонентов экономического самоопределения определяют особенности экономической активности субъекта и ее динамики (нелинейность и колебательность).

Для разрешения нравственных противоречий субъекты экономической активности используют различные психологические механизмы, в т. ч. разные формы психологической защиты. Ключевым механизмом нравственно-психологической регуляции экономической активности является дифференциация соблюдения нравственных норм делового поведения в отношении представителей различных социальных категорий. Основаниями категоризации выступают принадлежность к различным группам социально-психологического пространства, психологическая дистанция, доверие и недоверие разной направленности. Эмпирические исследования показали, что существуют нравственные качества в большей или меньшей степени зависящие от этих факторов, в частности правдивость личности в наименьшей степени обусловлена ими.

В ходе исследования подтвердилось предположение, что субъект в разной степени соблюдает нормы деловой этики в отношении представителей отдельных категорий. Наиболее высокая степень нравственности характерна для деловых отношений с теми партнерами, в которых субъект заинтересован, которыми он дорожит и перед кем считает себя ответственным и т. д. (психологически близкие, «свои», оказывающие и вызывающие доверие, или, напротив, не доверяющие и контролирующие его). В отношении психологически далеких, безразличных, враждебных партнеров субъект может злоупотреблять доверием и отсутствием контроля ради собственной выгоды. Таким образом, соблюдение нравственных норм выступает регулятором взаимоотношений с различными категориями людей, способствует поддержанию сложившихся отношений, преодолению недоверия, формированию доверия и т. д. Соблюдая или не соблюдая нравственные нормы делового поведения, субъект самоопределяется в социально-психологическом пространстве и опосредствованно – в экономической активности.

Результаты выполненных эмпирических исследований подтвердили предположение о тесной взаимосвязи нравственно-психологических составляющих экономического самоопределения. В частности, на выборке руководителей малых и средних предприятий различной формы собственности установлены взаимосвязи отношения к деньгам, представлениями о мире бизнеса, отношением к соблюдению нравственных норм делового поведения и другими показателями экономического самоопределения. На основании самооценок воз-

можностей в повышении дохода, уровня экономической активности, его тенденций, собственных перспектив выделены психологические типы экономической активности руководителей и сопоставлены показатели их отношения к деньгам и к соблюдению нравственных норм делового поведения, представления о мире бизнеса и другие показатели экономического самоопределения, а также использование ими психологических защит. Так низкий уровень экономической активности характерен для руководителей удовлетворенных имеющимся уровнем благосостояния, а также неудовлетворенных им, но не видящих возможностей его повышения. Для обоих типов характерно отсутствие внутриличностного нравственного конфликта – они оценивают собственный уровень соблюдения нравственных норм близко к идеалу. Выявлено три типа руководителей с высокими оценками уровня экономической активности. В их числе молодые, с небольшим стажем деятельности, неудовлетворенные своим материальным благосостоянием – для них внутриличностный нравственный конфликт не характерен. Однако этот конфликт (различие уровня собственного отношения к соблюдению нравственных норм делового поведения, а также уровней отношения идеального и типичного современного руководителя) существует в сознании другого типа высокоактивных руководителей – имеющих значительный стаж и поддерживающих экономическую активность на высоком уровне скорее по инерции, а также во избежание снижения доходов. Анализ показывает, что внутриличностный нравственный конфликт является как следствием разинтеграции личности, так и закономерным этапом ее экономического самоопределения.

Полученные результаты демонстрируют, что нравственно-психологические факторы экономического самоопределения регулируют экономическое поведение как непосредственно – ограничивая выбор допустимых форм экономической активности, так и опосредствованно – оказывая влияние на уровень притязаний, цели и условия экономической деятельности, в частности на отношения с деловыми партнерами.

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАСРЕДЫ

О. В. Петрунько (Киев, Украина)

Постановка проблемы и ее актуальность. В современных информационных (постиндустриальных, поствиртуальных) обществах традиционная психосоциальная система «социум – личность» приоб-

ретает принципиально новое содержание, новые акценты и смыслы. В нее активно, настойчиво и даже агрессивно включается влиятельный посредник – масс-медиа, и, таким образом, диада «личность–социум» превращается в триаду «личность–масс-медиа–социум», и процесс социализации, соответственно, осуществляется и происходит как медиасоциализация. Это особенно ярко проявляется во времена нестабильности, когда сила и влияние традиционных институтов социализации (семьи, образовательно-воспитательной системы, референтных социальных групп, государства, церкви) оказываются существенно ослабленными и главным агентом социализации становятся масс-медиа.

Ныне достаточно распространенным является мнение, что наибольшая проблема и потенциальная опасность для социализации детей и молодежи состоит в том, что медиаобщества неосмотрительно делегировали масс-медиа образовательно-воспитательную функцию и функцию социализации подрастающего поколения, которые всегда выполняли традиционные социализационные институты. Это достаточно серьезная проблема современности, и сегодня мало кто решается прогнозировать, как она может сказаться на новых поколениях и отразиться на судьбах обществ и социумов. Данная проблема существенно обостряется в связи с ослаблением социальных функций и роли семьи как главного института социализации, кризисом современной семьи в постсоветских обществах, а во-вторых, в связи с чрезмерным доверием родителей и лиц, ответственных за социализацию детей, к масс-медиа (особенно к Интернету) и допущением их в жизнь детей в излишне больших количествах. В результате этого большинство детей оказываются «незащищенными социализацией» и отягощенными отрицательным социальным опытом.

Хорошо известно, что появление в социуме любого нового медиума всегда вызывает страх, напряжение, беспокойство, протест. В этом есть часть здравого смысла, но также есть и немало безосновательных предубеждений. В связи с этим **целью нашей статьи** является попытка оценить размеры потенциальных рисков для социализации детей и молодежи, которые содержит медиасреда, а также защитного потенциала (защитных ресурсов) социализации.

Исследование проблемы. Определение социализации, на наш взгляд, следует начать с дифференциации понятий «социализация» и «социальная адаптация», поскольку от этого зависит: 1) выбор критериев «правильной» социализации; 2) выбор пути исследования процесса ее осуществления и вызванных нею эффектов в условиях медиасреды (в сфере медиавлияния).

Под **социализацией** мы понимаем 1) мета-программу (универсальный мета-проект); 2) универсальный мета-механизм (систему механизмов, алгоритм) и 3) онтологический процесс включения индивидов в социум, осуществляемый на всех уровнях функционирования социальной системы. Мета-проект социализации выработан многовековым опытом развития человеческого общества и закреплён в архетипах коллективного бессознательного (К. Г. Юнг), социальном (или социетальном) психофрактале (Е. А. Донченко). Процесс социализации, как множество разворачивающихся индивидуальных историй вхождения индивидов в социум, не имеет окончательной формы и длится в течение всей жизни человека, однако он тоже достаточно предначертан. Сначала социализация осуществляется как процесс принудительный, детерминированный и жестко контролируемый социумом, а потом, после того как состоялось приучение ребенка к социуму, включение его в социальные сети, этот процесс детерминируется самим индивидом, т. е. осуществляется как самосоциализация. Главные задания социализации – передача новым поколениям культурных универсалий, социального опыта, материальных и духовных ценностей конкретного общества и человечества в целом – это, прежде всего, задания общества (Розум, 2006). Их реализация является функцией, потребностью и необходимостью общества, поскольку гарантирует его самосохранение, воссоздание его как немного другого, несколько обновленного, но непременно узнаваемого, тождественного самому себе. И каждое общество должно об этом позаботиться, создав собственные проекты социализации, системы социализационных институтов, систему надежного социального контроля и т. п.

В отличие от социализации **социальная адаптация** является феноменом мезо- и, прежде всего, микроуровня. Она заключается в формировании конкретных («здесь и теперь») индивидуальных программ взаимодействия индивида с действительностью для успешного и по возможности комфортного взаимодействия с ней, а чтобы это стало возможным – усвоения культурных универсалий, социального опыта, материальных и духовных ценностей «своего» общества (Розум, 2006). Главные задания социальной адаптации – индивидуальное самосохранение, приспособление к конкретным условиям существования, относительно беспроблемные (оптимальные) жизнедеятельность и развитие в этих условиях – это, прежде всего, индивидуальные, «эгоистические» задания каждого отдельного индивида.

Анализ множества представленных в психологической и философской литературе концепций и моделей социализации дает основания утверждать, что разница между ними заключается не только

во взглядах их авторов, как представителей той или иной сферы знания или определенной научной школы, и не только в большем или меньшем объяснительном их потенциале. Вопрос не в том, что одни модели – «хорошие», «удачные», потому что они, например, гуманистически ориентированы (субъект-центрированы), а другие модели – «плохие», «неудачные», потому что они социоцентрированы, игнорируют значение личности и базируются на представлениях о целесообразности социализационного диктата. Вопрос в том, что каждая из известных моделей, во-первых, эффективна и целесообразна только на определенном этапе социализации, а во-вторых, каждая из них явно или имплицитно содержит коннотацию формирующего, просоциального влияния на тех, кто подлежит социализации, и вместе с тем коннотацию защиты их от случайных, незапланированных, несанкционированных социумом влияний и/или воздействий, к которым мы относим и медиавоздействия. Таким образом, большинство известных концепций и моделей не противоречат одна другой и даже не являются альтернативными, как это может показаться на первый взгляд, а скорее дополняют одна другую и все вместе создают единую картину социализации.

На наш взгляд, социализацию, как универсальный процесс и механизм специальной подготовки нужного количества индивидов для сохранения и возобновления социумов, можно представить как взаимное согласование и реализацию трех базовых ее моделей.

Первой такой моделью является фрактальная модель социализации, представляющая собой «идеальную» матрицу, или мета-проект социализации, в соответствии с которым социумы очерчивают, репрезентируют себя, а также самовоссоздаются, самовозобновляются и эволюционируют, оставаясь при этом тождественными самим себе. Концептуальные основы данной модели сформулированы украинской исследовательницей Е. А. Донченко в созданной ею фрактальной психологии (Донченко, 2005). Согласно Е. А. Донченко, программа (изначальный и вечный проект) социализации заложена и на уровне социального (социетального) психофрактала, и благодаря этому эта программа действует безупречно и всегда. Даже если социум пребывает в состоянии нестабильности и кризиса, соответствующий психофрактал постоянно сохраняет его память о себе и всегда готов развернуть нужную в данный момент «антикризисную программу» (Донченко, 1994, 2005). Таким образом, можно утверждать наличие особенной универсальной формы защиты – защиты мета-уровня – индивидуальных и коллективных субъектов социализации от асоциальных и потенциально деструктивных влияний факторов среды (в том числе и манипулятивного воздействия СМИ) – «защиты социетальным психофракталом».

Вторая модель – кратологическая (или властно-подвластная) идеально репрезентирует процесс социализации на ранних ее этапах – этапе предсоциализации и этапе первичной социализации, которые согласовываются с ранним и дошкольным детством и с младшим школьным возрастом ребенка. Концептуальная база данной модели создана украинским исследователем В. А. Васютинським и представлена в его интерактивной психологии власти (Васютинський, 2005). Данная модель основывается исключительно на **внешней детерминации** процесса социализации и жестком внешнем (социальном) контроле социальной жизни ребенка, который достаточно длительный период своей жизни рассматривается исключительно как **объект социализации**. Такая модель направлена на удержание ребенка в сфере социализационного воздействия. Результатом реализации этой модели является «первичное приручение ребенка», его «порабощение социализацией», заранее спланированное «включение его в социализационную паутину» (в «паутину социальных связей») и вместе (параллельно) с этим – создание, активизация и укрепление базовой системы социализационной защиты, выстроенной для него социумом, в котором он родился, живет и развивается. Таким образом, можно утверждать существование еще одной формы защиты от внешних асоциальных, потенциально деструктивных влияний (в том числе и со стороны масс-медиа) – «защиты системой социального контроля».

Третья – «ориентированная на поступок» модель – является оптимальной, «идеальной» моделью этапа вторичной социализации, который условно начинается в подростковом возрасте и длится всю сознательную жизнь человека. Основу этой модели преимущественно составляет **внутренняя детерминация** (самодетерминация) социальной жизни индивида как сознательного **субъекта социализации**. Результатами реализации этой модели является самопотенцирование индивида, инициация и управление им процессом собственной социализации, его готовность и активное взаимодействие с социумом в данном направлении. Таким образом, социализация имеет признаки самосоциализации и проявляется как цепь поступков – просоциальных рефлексивных действий, основанных на ответственности и направленных на реализацию взрослеющим человеком своей человеческой сущности. Концептуальные основы этой, онтологической по своей сути, модели вхождения в социум заложены К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинским, С. Л. Рубинштейном, В. А. Татенко и другими выдающимися исследователями. Рассматривая психосоциальную систему «личность–социум», данная модель постулирует «присутствие человека» в мире (т. е. приоритет человека в его отношениях с социумом). Реализация этой модели возможна при доста-

точно высоком уровне развития индивида, когда должным образом развита его субъектность (С. Л. Рубинштейн), когда «развернуты», актуализированы все субстанциональные интуиции субъектного ядра его личности (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989; Татенко, 1996). При таком уровне развития личности можно утверждать наличие еще одной формы защиты от потенциально деструктивных воздействий внешней среды (в том числе и медиасреды), идущих вразрез с задачами социализации – «защиты поступком».

Центральной категорией психологии поступка является категория субъектности как системного качества личности, которое формируется в процессе ее социализации и проявляется на определенном этапе ее развития. Анализ природы человека, осуществленный в научной школе С. Л. Рубинштейна, привел к пониманию субъектности как способности человека осуществлять взаимообусловленные изменения в мире и в себе самом, принимать на себя ответственность за последствия этих изменений и в соответствии с этим строить свою жизнь (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989; Татенко, 1996).

Таким образом, на наш взгляд, есть достаточно причин считать, что медиавоздействие на процесс социализации существенно ограничивается, по крайней мере, тремя системами социально-психологических защит.

Первая – исторически-культурно-социальная система защиты – предоставляется **социализацией**, как универсальным механизмом самосохранения, самовоссоздания и позитивного развития обществ и социумов. Мощный защитный ее потенциал (психофрactal как метапроект социализации, система социального контроля, способность субъектов социализации к поступку как ответственному и основанному на моральных ценностях социальному действию) позволяет сохранить отдельных индивидов для социума, не позволяет им сбиться с предначертанного социализацией курса, спрятаться в виртуальном мире, который придумали и создали масс-медиа взамен мира реального.

Вторая, также универсальная система защиты, – субъектно-индивидуальная – предоставляется **личностью**, являющей собой уникальную и самодостаточную психосоциальную систему, наделенную необходимыми «субъектными интуициями», позволяющими ей разумно выбирать и присваивать «надлежащий» социальный опыт (что делает возможным эффективное включение индивида в социум, его самореализацию в нем) и отклонять «ненадлежащее» (то, что делает ее отношения с социумом затруднительными и некомфортными).

Третья система защиты заложена в медиасреде: в самих масс-медиа и в особенностях когнитивного и психологического взаимо-

действия индивида с ними. Масс-медиа (телевидение, Интернет) не так автономны и самостоятельны, как это провозглашает «миф о четвертой власти». С одной стороны, масс-медиа являются активным актором медиаобщества, формирующим индивидуальное, групповое, общественное сознание (общественное мнение), а с другой стороны – всего лишь одним из его элементов, его инструментом, который без участия человека остается бездейственным и никому не нужным. Созданные обществом и людьми для себя самих, масс-медиа более или менее успешно выполняют предписанные им функции и, в сущности, поддерживают существующий социальный порядок и заказанные обществом социальные нормы и ценности.

Литература

- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
- Васютинський В. О.* Інтеракційна психологія влади. К.: КСУ, 2005.
- Донченко Е. А.* Социетальная психика. К.: Наукова думка, 1994.
- Донченко Е. А.* Фрактальная психология (доглубинные основы индивидуальной и социетальной жизни). К.: Знание, 2005.
- Розум С. И.* Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб.: Речь, 2006.
- Татенко В. А.* Психология в субъектном измерении. К.: Просвіта, 1996.

АДАПТАЦИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ К СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. И. Протасова (Нижний Новгород)

Результаты демографических, социологических и психологических исследований последних лет убедительно свидетельствуют о существенном нарастании негативных тенденций в социальных и индивидуально-психологических характеристиках, а также ухудшении состояния здоровья молодого поколения нашей страны. Так, на первых курсах обучения до 30% студентов вузов испытывают серьезные затруднения в процессе адаптации к учебной деятельности в высшей школе, приводящие к снижению успеваемости, различным функциональным расстройствам и заболеваниям и в конечном итоге к отчислению. Значительный вклад в изменение функционального состояния обучаемых вносят постоянно увеличивающиеся информационные нагрузки и необходимость работы в свободное от учебы

время (и не только) для обеспечения своего более приемлемого материального положения.

При работе со студентами особое внимание должно уделяться лицам со сниженной успеваемостью, плохой учебной дисциплиной и высокой заболеваемостью, т. е. имеющим признаки *затрудненной профессиональной адаптации к учебной деятельности*. Представляется, что в данных случаях наиболее заинтересованными будут представители администрации вуза и родители студентов. Кроме того, затруднения адаптации могут проявляться эмоциональными срывами, межличностными конфликтами, неадекватным поведением. Низкая переносимость значительных (особенно на первом курсе обучения) умственных, эмоциональных и физических нагрузок может быть обусловлена:

- недостаточной мотивацией к обучению, в том числе и в конкретном вузе;
- слабо сформированными интеллектуальными, личностными и физическими ПВК, обеспечивающими обучение;
- наличием хронического утомления из-за неоптимального режима труда, отдыха и питания;
- межличностными конфликтами в группе;
- недостаточной гибкостью эмоционально-волевой сферы;
- незнанием способов сохранения и восстановления работоспособности.

Адаптация к вузовским условиям образа жизни, учебы, досуга связана с резким изменением социального положения личности. Исходя из важных сфер становления личности, основное содержание процесса адаптации студентов в вузе можно определить как приспособление к новому типу учебного коллектива, его обычаям и традициям.

Среди факторов, определяющих эффективность процесса адаптации, важнейшим является удовлетворение и развитие коммуникативных потребностей личности студента. Именно характер отношений, складывающихся между обучающимися в процессе совместной деятельности, определяет условия, которые или стимулируют процесс вхождения в студенческую жизнь, или, наоборот, сковывают активность, препятствуют адаптации в вузе. Иначе говоря, важным условием успешности адаптации является психологическая комфортность каждого члена учебной группы, удовлетворенность от пребывания в данном коллективе, чувство «защищенности». В психолого-педагогической литературе широко обсуждается проблема адаптации первокурсников к системе высшего образования, и не случайно: от успешности этого процесса во многом зависят дальнейшие профес-

сиональная карьера и личностное развитие будущего специалиста. Деадаптация студентов может приводить не только к хроническому отставанию в усвоении знаний, но и к вторичным нарушениям психосоциального развития, к различным формам отклоняющегося поведения. Не менее остро эта проблема сказывается и на качестве учебно-воспитательного процесса, дестабилизируя учебную деятельность других студентов, отвлекая на себя значительную часть усилий педагогов.

Проблему вузовской адаптации следует отнести к одной из социальных проблем современного образования, требующей уже не столько углубленного изучения, сколько поисков продуктивного решения на практическом уровне: с серьезными научно-методическими разработками, направленными на создание профилактических программ, включающих приемы психологической коррекции нарушений личностного развития студентов, на поиски эффективных средств психолого-педагогической поддержки педагогов и родителей студентов.

Решение данной проблемы современного образования лежит на пути как углубленного исследования причин, так и разработки и оценки продуктивности программ адаптации первокурсников на практическом уровне с передачей ее заинтересованным пользователям.

В заключение необходимо подчеркнуть, что успешная реализация Программы возможна лишь при достаточной готовности членов педагогического коллектива к восприятию всех вероятных аспектов и факторов адаптации студентов к условиям вуза (включая их собственные педагогические ошибки) и к сотрудничеству с психологом, который, в свою очередь, должен иметь высокий уровень как профессиональной, так и социальной компетенции.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ПСИХИКИ ДЕТЕЙ, РОДИВШИХСЯ И ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕГИОНЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ (В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ)

Н. М. Сараева (Чита)

Регions экологического неблагополучия нашей и других стран специфичны во многих отношениях: географическом, социально-экономическом, демографическом и т. д., но все они имеют деформи-

* Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-06-00 064а «Психологическая адаптация человека в осложненных условиях жизненной среды (на примере детского юношеского населения Забайкальского края)».

рованную «загрязнениями» физическую среду, составляющую часть жизненной среды человека. Понятие «жизненная среда» обозначает совокупность природных и социальных условий и факторов, во взаимодействии с которыми происходит развитие организма и психики людей (Ковалев, 1993; Панов, 2004; Ясвин, 1997). Она становится неадекватной генофенотипическим свойствам человека (Казначеев, 1980), негативно влияет на его физическое здоровье и через иммунную, эндокринную, нервную и другие системы организма обуславливает изменения психической активности человека. Направленность этих изменений и их причины нуждаются в специальном рассмотрении.

В течение нескольких лет анализ упомянутых изменений проводится сотрудниками лаборатории региональных исследований психики ЗаБГПУ. Изучается состояние психики детского населения, проживающего на экологически неблагополучных территориях Забайкальского края.

Забайкальский край по своим природно-климатическим особенностям и преобладающему профилю хозяйственной деятельности может быть отнесен к регионам, в которых проживание и деятельность человека требует серьезных энергозатрат, напряжения адаптивных систем человека. По уровню *индекса потенциальной жизнеспособности* Забайкалье относят к регионам с наиболее низким показателем. Специалисты в области медицины и те, кто занимается вопросами адаптации человека, указывают на ее неустойчивость у населения Забайкальского края (Агаджанян, Гомбоева, 2005). Большая часть территорий этого среднегорного региона, экономика которого связана с добычей и переработкой полезных ископаемых, может быть названа экологически неблагополучной. Деформация физической среды здесь заключается не просто в присутствии каких-то отдельных «загрязнителей», а в комплексных негативных геофизических и геохимических параметрах естественного и производственного генеза, которыми среда характеризуется в целом. Диапазон их достаточно широк: от недостаточности кислородной и микроэлементов до наличия тяжелых металлов и повышенной радиации. Биологическая и психологическая адаптация человека к такой среде имеет свою специфику.

По мнению многих исследователей, при всем многообразии ответных реакций в организме, имеется универсальный принцип возникновения адаптивных сдвигов для различных по качеству раздражителей. Эти универсальные соматические и вегетативные приспособительные реакции основаны на константных уровнях метаболизма тканей, обеспечивающих *общую энергетику* целостного организма (Агаджанян и др., 1998; Селье, 1960). У населения Забайкалья в первую

очередь страдают жизненно важные, энергозависимые функции. Медицинские исследования фиксируют, что в условиях экологического неблагополучия происходит нарушение энергетического метаболизма, падение энергообразования, которое влечет за собой изменения в основных системах организма человека: кардиореспираторной, иммунной, эндокринной и нервной (Сердцев, 1996).

Поскольку зафиксировано изменение (снижение) параметров функционирования организма человека под влиянием физической среды территорий экологического неблагополучия Забайкальского края, следует ожидать закономерного изменения состояния его психики.

Доказательство этой гипотезы потребовало реализации *«целостного»* (по сравнению с имеющимся) *варианта экпсихологического подхода* к изучению последствий длительного влияния экологически неблагополучной среды на психику человека. Отличие названного подхода от имеющихся в психологической экологии *локальных* вариантов заключается в рассмотрении психики в системном единстве с жизненной средой человека, т. е. как подсистемы организации целостного человека (Леонтьев, 1977), и далее, как компонента системы *«человек – жизненная среда (природная и социальная)»*.

Только анализ системных связей психики со средой позволяет выявить возникающие под влиянием экологического неблагополучия изменения в ее состоянии. Поскольку единственная форма ее актуального существования – психическая активность, невозможная без взаимодействия со средой, то и исследовать надо психическую активность. Это и есть состояние психики во взаимодействии с жизненной средой.

Сравнительное изучение психической активности 3133 детей, родившихся и проживающих на отличающихся по условиям физической и социальной среды территориях Забайкальского края, было проведено по параметрам *психологического статуса*, под которым понимается системная характеристика структуры *«человек – жизненная среда»*, интегральный показатель уровня психической активности человека (состояния его психики во взаимодействии с конкретными факторами среды).

В качестве *параметров психологического статуса* были выделены умственная работоспособность, развитие интеллекта, некоторые эмоционально-личностные свойства. Анализ их показателей позволил обнаружить тенденцию к изменению состояния психики – общему снижению уровня психической активности детей, родившихся и живущих в условиях экологического неблагополучия. Эти показатели смещены с границ так называемой *«средней»* нормы в нижненор-

мативные диапазоны (в границы показателей «сниженной нормы», «ниже среднего уровня», «слабые», «пограничные»).

Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в *снижении показателей умственной работоспособности детей*. По характеристикам памяти, внимания, утомляемости и другим установлено, что почти все изучаемые показатели ниже у детей, проживающих на экологически неблагополучных территориях, чем у их сверстников из экологически «чистых» районов. Данная тенденция проявляется в истощаемости психической активности, сужении и значительных колебаниях объема перерабатываемой информации, трудностях включения в деятельность, снижении скорости и точности выполнения заданий.

Подобная тенденция проявляется и в таком интегральном параметре психологического статуса, как *развитие интеллекта*. Детей с нижними нормативными показателями развития всех видов интеллекта (по Д. Векслеру) на «загрязненных» территориях, особенно в кризисной ситуации, значительно больше, чем на территориях «чистых».

Системный характер психики человека и системный характер его отношений с жизненной средой позволил обнаружить проявление названной выше тенденции в некоторых эмоционально-личностных свойствах детей, живущих в условиях экологического неблагополучия. Установлена (по тесту Р. Кэттелла) асимметрия в показателях усредненных личностных профилей детей, проживающих на экологически неблагополучных территориях. Часть значений профилей жителей «загрязненных» территорий смещены вниз относительно аналогичных характеристик населения «чистых» территорий. Изучаемые показатели остаются в нормативных границах, но смещаются к ее нижним значениям. В усредненном личностном профиле детей, проживающих в условиях экологического неблагополучия, выделен комплекс черт, который свидетельствует об изменении состояния психики – снижении психической активности на этом уровне психологического статуса.

Ответ на вопрос, каковы возможные механизмы изменения состояния психики (общего снижения психической активности) детского населения, проживающего на территории экологического неблагополучия, по нашему мнению, следует искать в двух направлениях.

Первое направление – это анализ *уровня общей активации психической деятельности* людей, проживающих на экологически неблагополучных территориях. Выше отмечалось, что процессы энергогенеза в организмах данной категории жителей ослаблены. Небольшое количество энергии, получаемой человеком в качестве открытой само-

организуемой системы, к тому же неравным образом, «распределяется» между уровнями его системной организации. При одновременном выполнении биологических и психических функций возникает конкуренция за энергию. В условиях экологического «загрязнения» природной (физической) среды адаптация к ней затруднена и требует большего энергетического обеспечения, больших энергетических затрат. Прежде всего, на биологическом уровне системной организации человека для поддержания физических, физиологических оснований его жизнедеятельности. Это влечет за собой недостаток энергетического обеспечения на других уровнях – психологическом и социальном (личностном). Нейропсихологи называют это явление «энергетическим обкрадыванием» психической деятельности (Семенович, 2005, с. 45). В силу названных выше причин снижается уровень ее активации, что и составляет реальную основу негативного изменения параметров психологического статуса человека.

Второе направление поиска ответа на вопрос о механизмах общего снижения уровня психической активности людей, которые проживают в условиях экологически неблагоприятной жизненной среды – это анализ *общих законов и механизмов адаптации*. Эти механизмы известны и достаточно подробно изучены в биологии и медицине, например, в применении к патогенезу, в психологии же – только в отношении отдельных экстремальных воздействий. Мы полагаем, что те же самые адаптационные механизмы и процессы реализуются и на территориях экологического неблагополучия, в условиях не экстремального, но хронического воздействия экологически деформированной жизненной среды на психику людей. В данном контексте указанные процессы и механизмы до сих пор не рассматривались и нуждаются в самостоятельном анализе.

Возможны два основных варианта условий воздействия на человека неадекватной природной (физической) среды и, соответственно, последствий такого влияния. В первом случае, когда он родился и живет в экологически неблагоприятных условиях. Во втором, когда он рождается и вырастает на «чистой» территории, но затем оказывается в условиях длительного воздействия факторов экологического неблагополучия. Эти варианты установлены главным образом для биологического уровня системной организации человека (Давыдовский, 1962; Короленко, 1978; Саркисов и др., 1997). Причем в большей мере известен второй вариант. Но те же направления средового влияния описываются и тогда, когда речь идет о психологическом уровне (Дзятковская, 1993). По сути, оба варианта характеризуют два механизма участия психики в жизнеобеспечении человека, проживающего на территории экологического неблагополучия.

Остановимся в рамках данной статьи на первом варианте. Он соответствует ситуации, когда человек родился и живет в условиях значительного экологического неблагополучия, т. е. когда негативное влияние среды человек испытывает с момента зачатия и далее весь перинатальный период. В этом случае возникает дефицитарность, слабость филогенетических программ гомеостатирования. Вследствие этого организм человека в целом, его нервная система, в частности, исходно развиваются в направлении снижения уровня функционирования. Однако благодаря пластичности филогенетических программ они в большинстве случаев не достигают границ патологии.

Поскольку биологические программы и основы жизнеобеспечения человека исходно ослаблены, то, соответственно, функционирование и развитие двух других уровней системной организации человека – психологического и социального – также будет измененным (сниженным) в силу влияния на них биологических детерминант нижнего уровня системной организации человека. Причем степень снижения зависит от силы повреждающего средового фактора.

Известно, что при достаточном функциональном резерве кратковременное умеренное напряжение адаптивных систем в пределах физиологических реакций ведет к росту уровня функционирования, и лишь с дальнейшим повышением степени напряжения адаптивных систем снижается уровень функционирования организма (Баевский, 1993). В этом случае преобладает *мобилизационная* стратегия адаптации.

В нашем случае речь идет об ином варианте влияния на человека неадекватной природной (физической) среды. То есть не о разовом «адаптационном ударе» (В. И. Медведев), а о длительном, малыми дозами негативном воздействии на организм и психику значительно «загрязненной» среды. В этих условиях возможна первичная слабость адаптационных ресурсов человека (и первичная слабость биологического «компенсаторного фонда» (Выготский, 1983). Если воздействия повреждающих средовых агентов длительны и/или попадают на ранние этапы онтогенеза, то возможно ослабление напряженных адаптивных систем и снижение параметров психической активности. В. П. Казначеев (1980) отмечает слабость механизмов биологической адаптации человека к длительным негативным средовым влияниям как источник возникновения хронических патологических процессов. Добавим, что закономерным следствием сниженного функционирования биологического уровня системной организации человека является столь же закономерно сниженное функционирование психологического и социального уровней.

Из-за нагрузки, связанной с длительным негативным влиянием экологически неблагоприятной среды, и напряжением изначально менее сильных адаптивных систем люди, родившиеся и постоянно проживающие на соответствующих территориях, по состоянию своего организма и психики находятся ближе к нижней границе адаптационной нормы популяции, чем те, кто проживает на экологически благополучных территориях. Они ближе к истощению своих возможностей. Между тем известно, что в этих случаях организм переходит на режим минимизации функций (Казначеев, 1980). В ситуации превращения любого стресса в хронический *энергозатратная* стратегия становится весьма расточительной и уступает место *трофотропной*, энергосберегающей. Это своего рода щадящий режим, реализующий принцип минимизации потерь. Он и является реальной биологической основой общего снижения психической активности (по параметрам психологического статуса) человека в условиях экологического неблагополучия.

Можно сказать, что это особая форма адаптации человека к условиям длительного экологического неблагополучия с вынужденной высокой ценой за сохранение жизнедеятельности. Организм и психика в результате достигают относительного динамического равновесия с экологически неблагоприятной средой, но на более низком уровне функционирования.

Таким образом, еще одно объяснение возникновения тенденции к снижению параметров психологического статуса людей, родившихся и живущих на территориях экологического неблагополучия, заключается в необходимости соблюдения принципа энергосбережения и *минимизирующей* стратегии адаптации.

В сниженных показателях, составляющих параметры психологического статуса коренных жителей территорий экологического неблагополучия, необходимо видеть позитивное проявление адаптационных процессов. Эти показатели есть вариант региональной нормы, позволяющей людям пусть и не в самых оптимальных пределах, но адаптироваться к исходно неадекватным условиям среды и, реализуя свою сущность, проявлять все необходимые виды психической активности.

Литература

- Агаджанян Н. А. Адаптация, экология и здоровье населения различных этнических групп Восточного Забайкалья: научное издание / Под ред. Н. А. Агаджанян, Н. Г. Гомбоева. Новосибирск: Изд-во СО РАН; Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2005.
- Агаджанян Н. А. Экологическая физиология человека / Под ред. Н. А. Агаджанян, А. Г. Марачева, Г. А. Бобкова. М.: Издательская фирма «КРУК», 1998.

- Баевский Р. М.* Донозологическая диагностика в оценке состояния здоровья // Валеология: диагностика, средства и практика обеспечения здоровья / Под ред. Р. М. Баевского, А. П. Берсенева. СПб.: Наука, 1993. С. 33–48.
- Выготский Л. С.* Проблемы дефектологии // Собр. соч. В 6-ти т. М.: Педагогика, 1983. Т. 5.
- Давыдовский И. В.* Приспособительные процессы в патологии // Вестник АМН СССР / Под ред. И. В. Давыдовского. 1962. № 4. С. 27–37.
- Дзятковская Е. Н.* Экология и здоровье: монография. Иркутск: ИЧП Арком, 1993. Т. 1, 2.
- Казначеев В. П.* Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980.
- Ковалев Г. А.* Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 14–23.
- Короленко Ц. П.* Психофизиология человека в экстремальных условиях. Л., 1978.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
- Панов В. И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.
- Саркисов Д. С.* Общая патология человека / Под ред. Д. С. Саркисова, М. А. Пальцева, Н. К. Хитрова. М.: Медицина, 1997. *Селье Г.* Очерки об адапционном синдроме. М.: Медгиз, 1960.
- Семенович А. В.* Введение в нейропсихологию детского возраста // Учеб. пособие. / Под ред. А. В. Семенович. М.: Генезис, 2005.
- Сердцев М. И.* Экология, метаболизм, здоровье. Чита: Изд-во Читинского педин-та, 1996. 161 с.
- Черноушек М.* Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989.
- Ясвин В. А.* Проектирование и моделирование образовательной среды / Под ред. В. П. Лебедева, В. И. Панова. М., 1997.

ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОГОВОРЯЩИХ ДИАСПОРАХ

Ю. В. Ставропольский (Саратов)

Социальные психологи мало-помалу начинают открывать те способы, которыми происходит структурирование «Я» со стороны культуры. Г. Триандис разработал несколько ключевых понятий (Triandis, 1989, p. 510). Во-первых, он разграничил общественный, частный и коллективный аспекты «Я». Частное «Я» – это то, как человек понимает себя, включая интроспекцию, самоуважение, самовосприятие и принятие решений. Общественное «Я» включает в себя то, как человек воспринимается другими людьми: репутация, производимое впечатление на конкретных людей и т. п. Наконец,

коллективное «Я» отражает принадлежность человека к социальным группам, например, этническая идентичность и семейные узы.

Далее, Г. Триандис предложил объяснение того, как различаются культуры с точки зрения того, какие аспекты идентичности в них акцентируются. В коллективистских обществах акцентируются публичный и коллективный аспекты «Я» в ущерб частному «Я», тогда как в индивидуалистских обществах акцент делается на формирование публичного «Я». Аналогичным образом, в «сплоченных» обществах – в тех, которые особенно требовательны к тому, чтобы соблюдалась конформность в отношении внутригрупповых норм, ролей и ценностей – у людей формируется сильно развитое публичное «Я» и коллективное «Я», и в меньшей степени – «Я» частное. В «комплексных» культурах люди могут принадлежать ко многим различным группам, соответственно, у них менее сильна потребность в поддержании хороших отношений с любой из них. По этой причине коллективное «Я» может быть развито слабее, но публичное «Я» остается довольно важным, поскольку человек проносит свое общественное «Я» через все взаимоотношения и взаимодействия. Кроме того, люди могут позволить себе уделять больше внимания собственному частному «Я». Проводимые различными исследователями независимо друг от друга эмпирические исследования свидетельствуют о том, что в сложных культурах возрастают проблемы, связанные с идентичностью. Культурные различия распространяются на все три аспекта «Я». Так, американцы отдают предпочтение искренности в отношениях, что предполагает конгруэнтность общественного и частного «Я». Культурно-релятивный характер идентичности можно увидеть в тех изменениях, которые претерпевает идентичность в условиях смены культурного окружения.

Культурный и политический контекст, в котором формируется и существует личность, способен стать существенным фактором, детерминирующим различные проявления этнокультурного поведения, включая этническую идентичность личности. Кросскультурная психология большую часть своих усилий направляет на получение представления о том, каким образом осуществляется дифференцированное личностное развитие внутри различных культурных контекстов. С позиций экологической парадигмы кросскультурных исследований, предполагается, что личность испытывает воздействие множества факторов, включая длительную культурную и биологическую адаптацию группы к окружающим условиям, а также аккультурационное влияние, являющееся следствием контакта с другими группами общества. В последние годы все большее внимание уделяется феномену культурной *трансмиссии*.

При рассмотрении культурной *трансмиссии* интерес представляют, в первую очередь, процессы инкультурации и социализации, посредством которых индивиды приобретают множество культурных и психологических качеств, необходимых для функционирования в роли членов ингруппы. Д. Берри различает вертикальную, горизонтальную и косвенную передачу культурных и психологических качеств. В отличие от процессов формирования личности в этнокультурном гомогенном обществе, процессы, протекающие под влиянием взаимодействия с другими культурами, являются менее изученными и требуют отдельного рассмотрения.

Поскольку процесс аккультурации активизирует две культурные традиции, в психологическом исследовании и в психологической практике необходимо принимать во внимание влияние на личность со стороны двух комплексов факторов. При этом также необходимо учитывать коллективную ориентацию обеих контактных групп, а также установки индивидуальных членов каждой контактной группы. Индивидуальные представления социально-доминантной группы включают в себя, в том числе сформулированную национальную политику и общие демографические установки, определяющие широкий контекст повседневной жизни представителей групп, переживающих аккультурацию, в экономической, политической, правовой и образовательной сферах.

На уровне группы можно рассматривать национальную политику, проводимую доминантной группой, и цели, которых придерживаются конкретные группы, переживающие процесс аккультурации в этнически гетерогенном обществе. На личностном уровне можно исследовать общую идеологию доминантного населения и установки представителей групп, вовлеченных в аккультурационный процесс.

Русскоговорящая диаспора в США может быть отнесена к «классическим» диаспорам, которые возникли в результате добровольной либо вынужденной миграции. С конца 1970-х годов в США в значительном количестве прибывали иммигранты из Советского Союза. С 1991–1993 гг. количество иммигрантов из бывшего СССР, принятых Соединенными Штатами, достигло 159200 чел., каждый последующий год добавлялось от 50–65 тыс. чел. Русскоговорящие иммигранты прибывали в США со своей уникальной культурой. Исследования американских психологов показали, что русскоговорящие иммигранты характеризуются высокой урбанизированностью, высоким уровнем образованности (около 85% прибывали в США, имея высшее образование или ученую степень) и высоким процентом тех, чей доход ниже уровня бедности.

Русскоговорящие иммигранты сталкиваются в США с серьезными трудностями в адаптации, которые на психологическом уровне проявляются в высоком уровне деморализации и депрессивных симптомов, как по данным самоотчетов, так и по данным стандартизированных диагностических шкал, а также демонстрируют значимую тенденцию к соматизации, и в самоотчетах заниженно оценивают состояние своего здоровья. Эрозия традиционных семейных ролей и ценностей (включая многопоколенное совместное проживание), языковой барьер значительно усиливают чувство социальной изоляции и одиночества (около 50% русскоговорящих иммигрантов в самоотчетах сообщили о том, что плохо говорят по-английски). Были установлены высокие значения депрессии, деморализации и соматизации среди русскоговорящих иммигрантов в США по сравнению с генеральной популяцией (Tran, Khatutsky, Aroian, Balsam, Conway, 2000, p. 67).

Широко признано, что многие группы иммигрантов прибывают из стран с культурами, для которых характерна высокая степень семейственности (*familism*). Исследование, которое провели в России и в Израиле Р. Катц и А. Лёвештайн, показало, что в бывшем СССР 40% опрошенных россиян жили совместно со своими взрослыми детьми. Однако процент совместных домашних хозяйств в той же популяции возрастал до 70% после переезда семьи в Израиль по причине экономических ограничений и необходимости во взаимопомощи. Изучение отношения к совместному проживанию в многопоколенной семье в диадах родители – дети позволило установить интересное противоречие. Дети проявляли толерантность к многопоколенному проживанию, потому что оно обеспечивало определенные экономические преимущества, но предпочитали отдельную жилплощадь. Пожилые люди отдавали предпочтение совместному проживанию, а межпоколенную солидарность называли среди наиболее важных ценностей (Katz, Lowenstein 1999, p. 48).

Традиционные американские ценности – самостоятельность, единенность и независимость – не обязательно разделяются другими культурами. В результате различные этнические группы обладают разными ожиданиями и по-разному оценивают совместное проживание с другими членами своей семьи, это особенно верно в отношении детей. Совместное проживание многопоколенных иммигрантских семей не только вызывается экономической необходимостью, но также является способом увеличить социальную адаптацию и уменьшить социальную изоляцию.

Стимул к изменению ситуации с условиями проживания часто исходит не от пожилых людей, сохраняющих традиционные наклонности, а от их взрослых детей, установки которых в отношении

совместного проживания нескольких поколений часто претерпевают трансформацию после того, как они обретают экономическую стабильность и ассимилируются в направлении американских ценностей. По мере того как происходит ассимиляция, нереализовавшиеся экспектации способны ухудшить процесс адаптации для пожилых и породить дополнительный эмоциональный стресс и напряженность в семье. Раздельное проживание поколений одной семьи может символизировать экономический успех, но оно также может быть связано с трудным эмоциональным переходом.

За последние пятьдесят лет экономические трудности и дефицит жилья в бывшем Советском Союзе сформировали культурную среду, в которой совместное проживание многопоколенной семьи является нормой. Многопоколенное проживание формирует культурный контекст, в котором пожилые пользуются привилегированным статусом в семье и относительным престижем, но оно формирует и нездоровую взаимозависимость между поколениями. Процесс ассимиляции к американской культуре делает напряженными традиционно тесные узы в российских семьях. В то время когда взрослые дети перемещаются в предместья, где не существует общественного транспорта и разветвленной социальной инфраструктуры, многие пожилые предпочитают оставаться в границах привычного этнического анклава.

Проведенное в 1997 г. исследование состояния здоровья и потребностей в услугах здравоохранения русскоязычных пожилых иммигрантов (Tran, Khatutsky, Aroian, Balsam, Conway, 2000, p. 70) показало, что владение разговорным английским языком имеет статистически значимое соотношение с субъективно оцениваемым состоянием своего здоровья ($\beta = -0,279, p < 0,001$), с хроническими состояниями ($\beta = -0,280, p < 0,001$) и с функциональными ограничениями ($\beta = -0,274, p < 0,001$). Русскоговорящие иммигранты, обладающие лучшими коммуникативными навыками в английском языке, субъективно лучше оценивают состояние своего здоровья, следовательно, имеют меньшую вероятность страдать от депрессии. Однако количество лет пребывания в США имеет статистически значимое негативное соотношение с хроническими состояниями ($\beta = 0,200, p < 0,001$) и с функциональными ограничениями ($\beta = 0,183, p < 0,001$). Иными словами, чем дольше иммигрант прожил в США, тем выше риск того, что у него разовьются проблемы со здоровьем. Гендер также имеет статистически значимое соотношение с хроническими состояниями ($\beta = 0,170, p < 0,001$) и функциональными ограничениями ($\beta = 0,261, p < 0,001$). Пожилые иммигранты женского пола испытывают больше проблем со здоровьем, чем мужчины, и характеризуются вероятностью более высокого риска развития депрессии. Показатели здоровья

оказывают косвенное влияние на эмоциональное состояние пожилых людей и поэтому служат промежуточным фактором между блоком демографических переменных и депрессией. Факторы, оказывающие прямое и косвенное влияние на формирование депрессии: возраст, образование, владение разговорным английским, количество лет пребывания в США и гендер.

В случае русскоговорящих иммигрантов существуют трудности в оказании им психологических услуг, поскольку они сторонятся психологов и психиатров. Русскоязычные иммигранты в США часто соматизируют свои эмоциональные проблемы и вследствие этого обращаются за эмоциональной поддержкой к терапевтам, а не к профессиональным психологам. Представляется, что существует реальная связь между ощущением благополучия и близостью к этническому анклаву. Нахождение в знакомой языковой среде способно облегчить эффекты изоляции и одиночества, часто возникающие у иммигрантов.

Неклассический случай диаспоры представляют собой 25 миллионов русских в бывших советских республиках. Она является переходной между двумя категориями полнокровных этнонациональных диаспор, которые Г. Шеффер обозначил терминами «классическая» и «современная» (Sheffer, 1995, p. 11). Г. Шеффером были выделены следующие компоненты профиля современных диаспор: они возникли в результате либо вынужденной, либо добровольной миграции. Они осознанно сохраняют собственную этнонациональную идентичность, они создают собственные этнонациональные организации, либо находятся на пути к их созданию, они поддерживают эксплицитные и имплицитные связи с родиной, они формируют трансгосударственную инфраструктуру, они стоят перед лицом серьезной дилеммы, вызванной проблемой лояльности в отношении к родине и к стране проживания.

Неклассическая русскоговорящая диаспора, возникшая в результате распада Советского Союза, стала не результатом миграции, вынужденной или добровольной, не следствием «экспансии родины». Она возникла из унижительного для этой диаспоры сокращения Родины. Несмотря на то, что Россия сохраняет статус полугегемонии (*semihegemonic status*) в регионе, в который входят в основном бывшие советские республики, она сталкивается с проблемами при защите интересов русских в новых этнонациональных республиках, в которых русские превратились в меньшинство.

Несмотря на то, что акты открытой агрессии против русских немногочисленны, в целом ситуация является тревожной. Поскольку русские олицетворяют собой советский строй, они вызывают сильное

чувство негодования и обиды у титульного населения в республиках. Поэтому не удивительно, что в некоторых новых независимых государствах они переведены на положение граждан второго сорта.

О безопасности и статусе русских в новых независимых государствах много и часто говорят, однако существует важный аспект, о котором почти никто не упоминает – индивидуальное и коллективное психологическое состояние этих людей. Резкий переход от доминирующего положения на положение в лучшем случае равных, а в большинстве случаев – граждан второго сорта, оказался психологически травмирующим. Такую психологическую травму вполне можно сравнить с травмой, вызываемой миграцией в другую страну. Стресс аккультурации – это серьезная проблема, связанная с трансформацией устоявшейся личной и этнокультурной идентичности. Значительные сегменты русскоговорящей диаспоры в ближнем зарубежье близки к состоянию ассимиляции и могут оказаться потерянными для русской нации (например, русские на Украине). Не дождавшись поддержки и помощи от России, русские в ближнем зарубежье организуют самостоятельные объединения в различных формах, которые могли бы улучшить их положение, но сталкиваются с вынужденностью выбора – как быть лояльными в новом обществе и поддерживать связи с родиной (т. е. формировать бикультурную идентичность)? В связи с этим возникает проблема сохранения культурной идентичности, которая не статична и представляет собой «становление» не в меньшей мере, чем «бытие», то, «чем мы являемся».

Культурная идентичность – принадлежность в равной мере и будущего, и прошлого. Она трансцендирует место, время, историю и культуру; это способ определения нашего местоположения в нарративах прошлого. Изменение политической ситуации привело к необходимости изменения способов саморепрезентации русских в ближнем зарубежье. Процесс герметизации границ этнокультурных групп вследствие интенсификации этнического самосознания и складывания этногрупповой идентичности на пространстве бывшего СССР начиная с конца 1980-х годов в слабой степени затронул русский этнос, практически не обособленный от остальных этнокультурных групп российского общества какими-либо этнокультурными границами. У русских в ближнем зарубежье происходит постепенное смещение фокуса мировосприятия и самоотношения, критическое переосмысление элементов доминантной культуры бывшего СССР и доминантных культур тех новых независимых государств, в которых они оказались. На базе элементов этих двух культур будет формироваться идентичность, которая будет характеризоваться синкретической динамикой, синергетическим сочетанием культурных кодов.

Литература

- Katz R., Lowenstein A. Adjustment of Older Soviet Immigrant Parents and Their Adult Children Residing in Shared Households: A Comparison // *Family Relations*. 1999. № 48. P. 43–50.
- Sheffer G. The Emergence of New Ethno-National Diasporas // *Migration*. 1995. № 28. P. 5–28.
- Tran V., Khatutsky G., Aroian K., Balsam A., Conway K. Living Arrangements, Depression, and Health Status Among Elderly Russian-Speaking Immigrants // *Journal of Gerontological Social Work*. 2000. Vol. 33 (2). P. 63–77.
- Triandis H. C. The Self and Social Behavior in Differing Cultural Contexts // *Psychological Review*. 1989. № 96. P. 506–520.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛОВ ОСУЖДЕННЫХ

Н. И. Стасюк (Минск, Беларусь)

Многочисленные исследования, наблюдения, эксперименты не только не исчерпали проблему смысла жизни, а, напротив, показали ее глубину и многомерность. В последнее время предметом исследования психологов все чаще становится проблема изучения личности в экстремальных и постэкстремальных условиях. Это вызвано острой для психологической науки и практики необходимостью в определении того, что служит основанием для внутренней устойчивости личности в экстремальных ситуациях, с одной стороны, и преобразований, детерминированных экстремальной ситуацией, с другой.

Для изучения особенностей мотивационно-смысловой сферы личности важным принципом является принцип детерминизма, выдвинутый С. Л. Рубинштейном, согласно которому восприятие и переживание личностью психотравмирующих событий зависит от ее внутренних свойств («ядра»). В свою очередь, внутренние свойства формируются в зависимости от предшествующих внешних воздействий. Принцип детерминизма С. Л. Рубинштейна был дополнен А. Н. Леонтьевым, подчеркнувшим, что внутренние свойства, действуя через внешние воздействия, тем самым изменяют себя. Характеристики мотивационно-смысловой сферы личности свидетельствуют не столько о воздействии экстремальных событий, сколько о явлении переработки психической травмы, куда входят переоценка прежних ценностей, изменение отношения к себе, к окружающим и к миру.

В нашем исследовании приняли участие 1000 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях открытого типа.

Использовалась методика исследования системы жизненных смыслов (авт. В. Ю. Котляков), которая позволила определить категории данных смыслов, их соотношение в жизни испытуемого. Полученные результаты свидетельствуют о значимости экзистенциальных и семейных жизненных смыслов. Лица, находящиеся в исправительных учреждениях открытого типа, видят смысл собственной жизни в том, чтобы быть свободными, чтобы жить и любить. Большое значение для них имеет стремление передать все лучшее своим детям, жить ради семьи. Так, 14% мужчин и 18% женщин ориентированы на то, чтобы быть с близким человеком, чувствовать, что они кому-то нужны, радоваться общению с другими. При этом 11% мужчин и 9% женщин направлены на помощь другим людям. Они указывают на свое стремление делать добро, хотят улучшить мир. Смысл жизни 7% осужденных мужчин заключается в том, чтобы совершенствоваться, реализовывать свои возможности. Данное стремление характерно и для 3% женщин-осужденных. Для респондентов свойственно выделение таких наиболее значимых потребностей, как материальный комфорт, стремление быть понятым другими, возможность заниматься делом, требующим полной отдачи, обеспечение положения влияния, а также возможность зарабатывать себе на жизнь. В современном обществе с ярко выраженной стратификацией по экономическому признаку и фактическим отсутствием так называемого «среднего класса» можно принадлежать или к богатой, или к бедной части населения, что, естественно, вызывает у населения напряжение и тревогу. Отсутствие у большинства осужденных к ограничению свободы обеспеченных родственников, которые могли бы им помочь, и осознание ими своего профессионального и личностного несоответствия жестким требованиям социума, ориентированного на высокое материальное благополучие, вызывает у респондентов сильные переживания, внутренние конфликты и чувство психологической неготовности к жизни. Таким образом, материальные потребности оцениваются заключенными как наиболее значимые. Условия же изоляции определяются ими как движущая сила, которая приводит к необходимости совершенствоваться, раскрывает творческий потенциал личности. Респонденты указывают на свои желания добиваться успеха, сделать хорошую карьеру, занимать достойное положение в обществе (9% мужчин, 10% женщин). Многие из них добились признания и уважения в прошлом, определенного положения в преступном обществе. Они не хотят развивать свои силы и способности. В среде организованной преступности более высоко ценится расчет, решительность и многоопытность. Наименее значимыми категориями жизненных смыслов для мужчин являются когнитивные (5%), для женщин – ге-

донистические (2%). Для мужчин также не характерно стремление понять себя самого, Бога, жизнь в целом. Женщины при этом не видят смысла жизни в получении удовольствия, переживаний, счастья. Для осужденных наиболее значимо умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманное, рациональные решения, чем удовлетворять познавательные потребности.

Исследуя динамику проявления жизненных смыслов, очевидно, нельзя обойти вниманием следующий феномен. Полученные нами данные указывают, что пенитенциарная система способствует утрате смысла жизни. Так, подобное явление наблюдается у 12% мужчин и 6% женщин. Снижение жизненных смыслов заключается в переживании бесцельности и бессмысленности собственной жизни. Смысловая регуляция жизненного пути личности осужденного сформирована в недостаточной мере и деформирована под влиянием отклоняющегося образа жизни. Отсутствие смысла жизни, так называемый экзистенциальный вакуум, ведет к развитию невроза, делает человека беспомощным перед лицом трудностей.

Специфика мотивационно-смысловой сферы личности респондентов способствует либо адаптации к реальности жизни, либо углублению состояния дезадаптации. Можно предположить, что, в первую очередь, смысловой и ценностный компоненты мотивационной сферы, т. е. утрата смысла, потеря ориентации на будущее, сужение жизненных смыслов, деформация жизненных ценностей связаны с состоянием дезадаптации личности.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Н. Н. Хащенко (Москва)

Понятие «жизнедеятельность» тесно связано с такими терминами, как «жизнь», «жизнь и деятельность». Близость этих понятий закономерна, так как слово «жизнь» в ряде его значений согласно Толковому словарю русского языка понимается как реальная действительность; деятельность человека и общества в тех или иных ее проявлениях, а также оживление, проявление деятельности, энергии. В исследованиях, посвященных различным аспектам жизнедеятельности личности, проживающей в различных экологических

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №07-06-00 295а.

условиях (например, на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской катастрофы и др.), понятие *жизнедеятельность* позволяет более адекватно и полно отразить реальные социально-психологические явления и процессы, сопровождающие человека как их субъекта в ходе повседневной жизни. Под *жизнедеятельностью* мы понимаем различные формы и виды активности (деятельности, общения, отдельных действий и поступков) личности как субъекта, а также включенность человека в межличностное и межгрупповое взаимодействие. Это понятие, по мнению А. Л. Журавлева, включает социальные, экономические, политические, этнические, экологические, социально-психологические аспекты жизнедеятельности личности (Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций, 2001).

Важность для психологической науки проблемы психологии субъекта, неоднократно подчеркнутая Б. Ф. Ломовым, А. В. Брушлинским и другими учеными, определяет и значимость изучения его жизнедеятельности. Б. Ф. Ломов, развивая проблему «субъекта» в психологии, говорил о том, что если отвечать на вопрос «субъект чего?» изучается в психологии, то в отечественной науке «речь идет о субъекте жизнедеятельности. Именно в жизнедеятельности человек формируется и развивается как субъект» (Ломов, 1984, с. 144). Мотивы, цели, задачи, установки, субъектно-личностные отношения, эмоциональные состояния и т. д., как системообразующий фактор поведения человека, формируются и развиваются в процессе жизни индивида в обществе. Для их изучения недостаточно анализа отдельных поведенческих актов, а необходимо рассмотрение жизнедеятельности человека в контексте развития общества (Ломов, 1984). Жизнь человека в обществе вырабатывает у него не только адаптивные формы, но и формы активного участия в общественных процессах, что приводит к его развитию. Развивающаяся личность выступает не как замкнутая структура, а как включенная в общественную жизнедеятельность (Абульханова-Славская, 1981; 1987).

К. А. Абульханова-Славская определяет жизнедеятельность человека как предмет изучения психологии личности, что позволяет преодолеть ограниченность абстрактного изучения личности, ее свойств и структур (Абульханова-Славская, 1987). При этом «индивидуальная жизнедеятельность – это не самодостаточная структура, а включенная в общественную жизнедеятельность, определяемая общественным способом материального и духовного производства, а также характерным для данного этапа общественного развития способом воспроизводства человека, личности» (Абульханова-Славская, 1981, с. 23). Автором предлагается в продолжение намеченного

С. Л. Рубинштейном процессуального, динамического подхода к исследованию личности (Рубинштейн, 1957; 1998) использовать понятие «жизнедеятельность» с целью раскрытия специфики развития личности в отличие от простого изменения, т. е. анализировать «движение» личности в жизнедеятельности. При этом жизнедеятельность рассматривается как «„пространство“ и... масштаб анализа личности, в котором собственно улавливается ее развитие; жизнедеятельность есть также и то „время“, в котором осуществляются изменения личности, происходит деление на „настоящее“, „прошлое“ и „будущее“» (Абулханова-Славская, 1981, с. 20).

Б. Ф. Ломов, описывая основания, на которых формируются те или иные свойства личности, подчеркивает, что для того чтобы их понять, «нужно рассмотреть ее (личности) жизнь в обществе, ее «движение» в системе общественных отношений» (Ломов, 1981, с. 7). Включенность индивида в те или иные общности определяет содержание и характер выполняемых им деятельностей, круг и способы общения с другими людьми, т. е. его социального бытия, его образ жизни, определяет содержание жизнедеятельности личности, т. е. в одном ряду с понятием жизнедеятельности будут стоять социальное бытие, образ жизни.

Понятие «жизнедеятельность» используется в социальной психологии, а также смежных с ней науках – социологии, психологии личности, и при анализе проблемы *образа жизни личности*. Исследователи связывают образ жизни с понятием «жизнедеятельность», определяя образ жизни как систему устойчивых способов организации людьми своей жизнедеятельности, а одним из существенных показателей образа жизни выделяя «удовлетворенность личности результатами своей жизнедеятельности» (Психология личности и образ жизни, 1987, с. 177). В. А. Ядов, рассматривая социологический и социально-психологический подходы к исследованию образа жизни, сопоставляет условия жизнедеятельности субъекта с соответствующими особенностями его образа жизни. А. А. Русалинова предлагает использование термина «сфера жизнедеятельности» как более адекватного для характеристики образа жизни человека, коллектива, социальной группы и общества в целом.

Социально-психологические исследования жизнедеятельности личности и группы в экстремальных условиях являются еще одной из сфер приложения понятия «жизнедеятельность» в социальной психологии. Экстремальными условиями, по определению многих авторов, являются те, которые создают опасность здоровью и жизни человека – это условия природных и техногенных катастроф; деятельности в воздухе, под водой, под землей, в космосе. Экстремальные

ситуации для жизнедеятельности человека часто рассматривались в связи с климатическими условиями, природными катастрофами, так как работа в данных условиях, несмотря на возможную опасность для здоровья и жизненного уклада, носит добровольный характер, у человека есть возможность выбора. На современном этапе развития технической цивилизации все чаще возникают ситуации, когда экстремальные условия, крайне опасные для жизни человека, возникают в результате технических аварий, техногенных катастроф, экологического загрязнения окружающей среды. Например, экологическая катастрофа Приаралья, радиоактивное загрязнение Челябинского региона, авария на Чернобыльской АЭС, районы, прилегающие к атомным полигонам и т. п. Как следствие, миллионы людей оказываются в экстремальных условиях из-за некомпетентности, социальной безответственности руководителей и специалистов, несовершенства технических систем, экологических просчетов, т. е. люди становятся «заложниками» обстоятельств и условий. Влияние радиации является экологически неблагоприятной, экологически вредной формой воздействия на человека. Исходя из вышесказанного, можно определить экологически неблагоприятные условия как экстремальные, а жизнедеятельность в данных условиях как жизнедеятельность в экстремальных условиях.

Важным аспектом изучения жизнедеятельности человека в психологии личности, социальной психологии выступает проблема адаптации личности, группы и общности в целом, к тем или иным изменяющимся условиям. Так, социальной адаптацией называют процесс (или результат этого процесса) активного приспособления человека к условиям новой социальной среды и изменившимся возможностям жизнедеятельности (Чернобыльский след..., 1992). А под социально-психологической адаптацией личности подразумевается не столько приспособление к стабильным характеристикам жизнедеятельности, сколько усвоение динамических особенностей образа жизни современного человека, которые являются основой его эмоционального благополучия и прогрессивного развития (Кряжева, 1980).

Вместе с тем необходимо отметить, что использование понятия «адаптация», на наш взгляд, не полностью описывает социально-психологические процессы и феномены, происходящие в изменяющихся экологических условиях длительного (а в большинстве случаев постоянного) проживания человека. Границы понятия «адаптация» становятся узкими, прежде всего, из-за «временной ограниченности», кратковременности его ведущей роли.

Основываясь на существующих подходах в изучении экологического сознания личности, опыте, накопленном в психологии по изу-

чению роли экологических условий жизнедеятельности человека, социально-психологических механизмов его адаптации к условиям длительного проживания на радиоактивно загрязненных территориях, мы считаем психологическим регулятором поведения и жизнедеятельности человека *экологическое сознание*. В качестве этого регулятора экологическое сознание «опосредствует и трансформирует систему отношений человека к себе и другим людям, их поступкам и деятельности». При наличии объективных, либо ожидаемых признаков изменения экологической ситуации происходит актуализация элементов экологического сознания. Под *актуальным экологическим сознанием* мы понимаем совокупность элементов экологического сознания, которые становятся ведущими, значимыми и определяют жизнедеятельность личности.

В работе мы опирались на теоретико-эмпирический опыт, накопленный в социальной и экологической психологии при изучении психологических проблем взаимодействия человека с природой (А. А. Алдашева, С. Д. Дерябо, В. И. Медведев, В. И. Панов, В. А. Ясвин и др.), психологических и социально-психологических последствий экологических катастроф (М. И. Бобнева, А. И. Валитова, Т. В. Власова, Г. М. Денисовский, А. Л. Журавлев, А. В. Мозговая, В. И. Панов, В. А. Сумарокова и др.). Важное теоретико-методическое значение имеют многолетние специальные исследования, выполненные в 90-е годы, по изучению социально-психологических последствий радиационного воздействия, особенностей взаимодействия населения радиоактивно загрязненных территорий с местными органами власти, социально-психологических процессов адаптации к условиям проживания в регионах, пострадавшей в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

В проводимом нами исследовании предполагается изучение следующих психологических феноменов актуального экологического сознания: мера и характер значимости экологических проблем; отношение к экологической ситуации в стране и регионе проживания и его динамика; психологическое состояние напряженности в связи с экологической ситуацией (чувства удовлетворенности – неудовлетворенности, неуверенности, беспокойства, тревоги и переживания опасности – безопасности проживания для своего здоровья и семьи); тип ценностного отношения к природе и его влияние на характер оценки экологической ситуации; место отношения человека к природе в системе его основных жизненных ценностей; готовность человека к определенным действиям, ограничениям и препятствиям в жизнедеятельности, вызванными ситуацией в районе проживания; оценка себя как субъекта экологического сознания и поведения (отношение к себе и т. п.).

В качестве референтов актуального экологического сознания изучаются следующие: 1) представления о причинах изменения экологической ситуации в стране, в регионе проживания и их субъективная значимость – общая оценка значимости экологических факторов для жизнедеятельности человека среди других (политических, экономических, правовых и т. д.); оценка значения экологических проблем для страны; представление о степени своей (населения) информированности об экологической ситуации в стране и в районе проживания; оценка источников информации об экологической обстановке в стране и в районе проживания; оценка уровня экологических знаний и культуры поведения – своего и окружающих; оценка успешности проводимой экологической политики в стране, в регионе, действий различных организаций; частота обсуждения экологических вопросов с членами семьи (родственниками), друзьями, соседями, коллегами по работе и учебе; 2) отношение к экологической обстановке в стране и регионе: динамика личностной оценки «благоприятности – неблагоприятности» экологической ситуации в стране и районе проживания (оценка экологической обстановки в настоящее время, ретроспективная оценка и оценка перспектив изменения экологических условий); оценка направленности (вектора) изменения экологической ситуации в регионе; причины ухудшения или улучшения экологической ситуации в районе проживания; влияние экологических катастроф на отношение к экологическим проблемам; экологические темы, вызывающие эмоциональные переживания, и их субъективная значимость; идентификация с категорией населения по отношению к природе; признаки-ориентиры в оценке изменения экологической обстановки и климата в районе проживания; 3) оценка психологического состояния напряженности в связи с экологической ситуацией: общая удовлетворенность – неудовлетворенность экологической обстановкой в регионе проживания; общая оценка экологической ситуации в регионе с точки зрения ее опасности – безопасности для здоровья; оценка степени опасности – безопасности отдельных компонентов окружающей природной среды в регионе проживания; оценка степени тревоги за здоровье свое и семьи в связи с экологической обстановкой в регионе; переживание чувства безнадежности в связи с экологическими условиями жизни; соблюдение конкретных мер предосторожности, снижающих опасность негативного воздействия среды или направленных на профилактику такого воздействия; оценка личного эмоционального состояния в связи с экологической обстановкой; 4) ценностные установки на отношения человека с природой и их типы (социоцентрический, антропоцентрический, эоцентрический и др.): оценка потребительского, духовного, гуман-

ного и других типов отношения к природе; оценка психологической готовности к изменению собственного экологического поведения; оценка психологической готовности к активному изменению экологической среды жизнедеятельности; 5) система основных ценностных ориентаций человека (терминальных и инструментальных) и место природы в их иерархии; оценка ранга Природы как ценности в системе жизненных ценностей человека; 6) отношение личности к себе как субъекту экологического поведения: оценка уровня собственной активности по разрешению экологических проблем; предпочитаемые действия под влиянием информации об экологической обстановке; степень принятия личной ответственности и оценка ответственности других субъектов (государственных и общественных) за состояние экологической ситуации в районе проживания.

В исследовании проводится опрос молодых людей в возрасте 17–30 лет, проживающих в городах с различными экологическими условиями. В анализе будут приниматься во внимание следующие характеристики респондентов: пол, возраст, образование, сфера деятельности и род занятий, семейный статус, регион проживания, экономический статус и др. Сбор эмпирических данных осуществляется методом персонального формализованного интервью в технике «лицом к лицу».

Обобщение результатов исследования позволит определить структуру актуального экологического сознания личности и выделить те его элементы, которые наиболее характерны для молодежи в современных условиях, а также могут влиять на ее социальную активность в целом.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987. С. 137–145.
- Абульханова-Славская К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 19–44.
- Кряжева И. К. Социально-психологические факторы адаптированности личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1980.
- Ломов Б. Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–17.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987.

- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Социум, Изд-во ИП РАН, 2001.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во «Академия наук СССР», 1957.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998.
- Чернобыльский след: Социальная и правовая защита детей и подростков, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы (Психолого-правовые исследования). М.: Изд-во ИП РАН, 1992.

ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ПОДКРЕПЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Н. Н. Чавчавадзе (Тбилиси, Грузия)

Человек – социальное существо, и потому становление его личности и, следовательно, формирование его основных характеристик происходит в обществе, в окружении людей. Из этого следует, что изучать человека следует именно с учетом его связи с социальной средой.

Изучая воздействие социальной среды на человека, исследователи размежевали между собой формы *одностороннего социального влияния* и *двустороннего социального взаимодействия*. Они характеризуются различной психологической природой и содержанием. К одностороннему социальному влиянию причисляют виды воздействия, при которых психическая активность человека претерпевает изменения под влиянием другого. При двустороннем же воздействии имеем формы взаимовлияния, являющиеся результатом межличностного отношения.

Одной из форм одностороннего социального влияния является *социальное подкрепление* – определенное воздействие на поведение положительного или отрицательного отношения к нему, выраженного другим человеком. Положительное или отрицательное отношение к поведению индивида дает ему определенное направление: усиливает или ослабляет его.

Гринспун (Greenspoon, 1955), Адамс и Хофман (Adams, Hoffman, 1960), Стивенсон, Кин, Найт и другие (Stevenson, Keen, Knights, 1963) показали, что выраженное другим человеком отношение к определенному поведению может изменить, повлиять на такие личностные характеристики и состояния, как формально-грамматическая сторона речи, позиция говорящего субъекта, формирование и выработка аттитюда. Экспериментально было подтверждено, что изменение активности человека, его социальное формирование и обучение часто достигаются путем таких едва заметных социальных воздействий, как реакции, выражающие согласие – кивок головы,

улыбка, жесты согласия и т. д. Было установлено, что реакции, выражающие согласие, на самом деле усиливают тенденцию репродукции действий, выполненных индивидом, тогда как реакции, выражающие несогласие, наоборот, ослабляют ее.

Как и следовало ожидать, после обнаружения и признания факта социального подкрепления встал вопрос: является ли социальное подкрепление условным сигналом для того поведения, с которым оно связывается, или имеет какое-либо другое значение? Тефель и Нутмен независимо друг от друга провели эксперименты и пришли к выводу, что для хода поведения высказанные другим человеком слова имеют психологическую ценность лишь постольку, поскольку выражают отношение к данному поведению, что еще раз подтверждает зависимость человека от общества, психологическое значение и ценность его социальности (Taffel, 1955; Nuthmann, 1957). С одной стороны, полученные результаты, разумеется, чрезвычайно интересны и важны, но, с другой стороны, несомненно, возникает вопрос: разве человек осуществляет лишь такое поведение, которое нравится присутствующим, и всегда останавливается, когда другие выражают недовольство? Не говоря уже о взрослых, дети часто демонстрируют противоречивое поведение, за которое их даже наказывают.

Если подробно рассмотреть все эксперименты, проведенные с целью изучения феномена социального подкрепления, то можно убедиться в том, что были изучены лишь эффекты воздействия социального подкрепления на социальное поведение. Проведенный Гринспуном (Greenspoon, 1955) эксперимент, ставивший целью выявление эффекта социального влияния на формально-грамматическую сторону речи, в сущности, подтверждает факт воздействия социального подкрепления на социальное поведение: задача испытуемого состояла в произнесении на протяжении 50 мин. определенных слов по типу так называемой «цепной реакции». Вследствие возникновения определенной потребности испытуемые последовательно произносили слова, стоящие то в единственном, то во множественном числе. Сама по себе форма множественного или единственного числа не имела какого-либо особого значения для испытуемого. Значимым для личности фактом могло быть лишь присутствие экспериментатора, и поскольку испытуемые, хотя и по разным мотивам, принимали участие в опыте, у них могла возникнуть единственная потребность высшего порядка – потребность сотрудничества с экспериментатором. Поведение же, ориентированное на такую потребность, как известно, является социальным. Именно в силу существования потребности в сотрудничестве испытуемые в соответствии с реакцией экспериментатора так изменяли свой ответ, чтобы руководитель опыта остался доволен.

В исследованиях, проведенных Адамсом и Хофманом (Adams, Hoffman, 1960), была установлена роль социального подкрепления при выявлении позиции говорящего субъекта. Выражение собственного отношения, несомненно, также представляет собой социальную активность, поскольку служит показателем отношения субъекта к тем или иным объектам. Эксперименты Хильдума и Брауна (Hildum, Brown, 1956) показали, что посредством социального подкрепления возможна выработка определенного взгляда или позиции. Здесь, как видим, также идет речь о взаимосвязи социальной активности и социального подкрепления.

При рассмотрении указанных вопросов стало очевидным, что несмотря на многочисленные исследования точная характеристика феномена социального подкрепления все еще нуждается в решении целого ряда проблем. В частности, необходимо уточнить: 1) влияет ли социальное подкрепление на поведение любого типа или же оно оказывает воздействие лишь на определенное поведение; 2) везде ли одинаковы эффекты влияния; 3) почему социальное подкрепление дает поведению четкое направление; 4) каков механизм влияния на поведение человека реакций согласия или несогласия, выраженных другими людьми.

Решение указанных вопросов, несомненно, поможет лучшему пониманию механизма человеческого поведения, выявит те условия, которые необходимы для нормального протекания разных типов поведения, в случае же необходимости позволит регулировать действия личности.

На современном этапе развития социальной психологии широко используется понятие «*установка*», поскольку для многих исследователей становится ясно, что без его помощи невозможно решение многих проблем социальной психологии. Понятие установки наиболее плодотворно для описания связи между человеком и обществом, личностью и социальной средой, поскольку оно лучше других терминов показывает, как отражается в каждом конкретном случае среда в психике личности и как реагирует человек на это отражение. Согласно теории установки Д. Узнадзе, целесообразное протекание человеческой деятельности, ее направленность определяются той установкой, на основе которой осуществляется активность. Исходя из этого нами была выдвинута гипотеза о том, что в процессе социального подкрепления в первую очередь изменяются и реорганизируются установки личности под влиянием других людей. В частности, социальное подкрепление является одним из факторов формирования установки, и оно, изменяя установку, вызывает изменение поведения.

Цель исследования состояла в экспериментальной проверке выдвинутой гипотезы, для чего были изучены роль и значение соци-

ального подкрепления в формировании установки поведения всех типов. Согласно теории установки, любому поведению соответствует установка определенного вида, реализации которой и служит данное поведение. Поскольку между установкой и поведением существует такая прямая связь, классификация поведения возможна и на основе установки. Известно, что для формирования установки необходимо существование двух различных факторов – *внутреннего* и *внешнего*. Внутренним фактором установки служит потребность человека. Поэтому при классификации поведения по внутреннему фактору установки можно выделить два вида поведения: *экстерогенное* и *интрогенное* (Узнадзе, 1940).

Учет предметного, внешнего, фактора установки позволяет выделить три формы установки экстерогенного поведения: 1) установка практического поведения – ориентированного на конкретные предметы; 2) установка теоретического, познавательного поведения – ориентированного на абстрактно общие объекты; 3) установка социального поведения – ориентированного на социальные объекты.

Установки интрогенного поведения бывают двух видов: 1) установка реализации психофизических сил, вызванная импульсом самоактивности органов чувств и познания и лежащая в основе физических или умственных игр, спортивной активности; 2) установка к творчеству, служащая для выражения личностных ценностей и определяющая творческую активность.

Изучая взаимодействие социального подкрепления и поведения различного типа, мы опирались на предложенную Ш. Надирашвили классификацию форм поведения в зависимости от внутреннего и внешнего фактора определяющей их установки (Надирашвили, 1975). По отдельности была изучена роль социального подкрепления при реализации установки: 1) практического поведения; 2) теоретического, познавательного поведения; 3) социального поведения; 4) реализации психофизических сил; 5) творческого поведения.

Первые три вида поведения относятся к числу экстерогенных, а это означает, что подобного рода поведение определяется субстанциональной потребностью, для удовлетворения которой необходим объективно данный, существующий во внешней действительности предмет. Реализация психофизических сил и творчество суть интрогенного поведения. Потребность, определяющую их, следует искать в самом индивиде. Для ее удовлетворения необходимо не наличие предмета, существующего вне субъекта, а приведение в действие тех сил индивида, которые в данный момент не участвуют в процессе удовлетворения практических потребностей.

Каждое поведение имеет свою цель, которая состоит в удовлетворении соответствующей конкретной потребности. Цель поведения, несомненно, имеет для личности определенную ценность. Под *личностной ценностью цели поведения* мы подразумеваем то большее или меньшее значение, которое придается личностью достижению или недостижению цели. Достижение цели в ряде случаев имеет для человека большое личностное значение, а порой оно не столь уж значимо. Целью поведения голодного человека является утоление голода, но достижение этой цели не всегда имеет одинаковое значение для субъекта. В силу потребностей более высокого ранга недостижимая цель может не считаться большой неудачей, и человек даже изменит поведение. Например, если очень голодный человек прекратит принимать пищу ради неожиданно пришедшего к нему друга, которому по болезни эта пища противопоказана, то он фактически останется неудовлетворенным, цель поведения – недостигнутой, но, тем не менее, человек не расстроится, поскольку для него встреча с другом более важна, чем утоление голода. Фактически личностная ценность цели поведения определяется личностной ценностью потребности, вызывающей поведение. Обычно чем выше потребность, удовлетворению которой служит поведение, тем большее личностное значение имеет это поведение для человека. При объяснении поведения для установления личностного значения его цели весьма важно учитывать те общие ценностные ориентации, attitudes и личностные свойства, которыми характеризуется тот или иной человек. Чрезвычайно важно учитывать также мотив поведения, поскольку разные мотивы придают одному и тому же поведению разный смысл.

Поскольку согласно теории установки целесообразное протекание человеческого поведения, его направление существенным образом определяется установкой, вызывающей это поведение, следует предположить, что в процессе социального подкрепления, в первую очередь, имеет место реорганизация установки личности под влиянием других людей. Вследствие чего выявленные во всех наших экспериментах эффекты воздействия социального подкрепления были рассмотрены и проанализированы с позиции теории установки.

В результате нашего экспериментального исследования (Чавчавадзе, 1987) было выявлено, что одна из форм социального влияния – социальное подкрепление – играет важную роль в формировании установки поведения всех типов. Оно выступает внешним, социальным фактором формирования установки и в какой-то мере определяет результаты ее реализации. Для большинства экстерогенных типов поведения большое значение имеет положительное

подкрепление. В частности, оказалось, что на установочную сенсомоторную активность человека, в которой ничто не зависит от воли личности и в течение которой она почти не может оказать воздействие, что выражается в усилении эффекта установки, отрицательное социальное подкрепление приводит к гораздо более сильному эффекту, о чем свидетельствует величина возникающих иллюзий. Реализация установки теоретического поведения, познания также в определенной степени оказалась зависимой от положительного подкрепления, поскольку для «среднего» ученика она играет в процессе познания роль стимула, отрицательное же подкрепление вообще не оказывает влияния на поведения подобного типа. Лишь для установки экстерогенного поведения третьего вида – социального поведения – имеют значение оба типа социального подкрепления, как положительное, так и отрицательное. Социальное подкрепление может создать условия для выявления фиксированной социальной установки. В зависимости от типа подкрепления формируется различная актуально-моментальная установка, которая либо способствует фиксированной социальной установке, либо препятствует ей, а то и изменяет ее. Следует отметить, что результаты нашего эксперимента, проведенного в сфере социального поведения, совпадают с данными Гринспуна, Адамса и Хофмана, и потому фактически нами были сделаны аналогичные выводы. Выяснилось также, что под воздействием фактора социального подкрепления человек может изменить свое отрицательное отношение к какому-либо объекту, тогда как положительное отношение подвергается изменению с большим трудом. Социально-психологическое объяснение данного факта, по нашему мнению, может быть таким: если дело касается отрицательного отношения не к негативному явлению (как это было в проведенном нами эксперименте), человек может изменить свое отрицательное мнение из стремления устранить дисгармонию, возникающую в обществе из-за разногласия во мнениях, а также под влиянием авторитета подкрепляющего или в случае, если он считает себя некомпетентным и т. д. Разумеется, иначе будет обстоять дело, если вопрос касается негативных явлений в общественной жизни. Исходя из тех же принципов испытываемые в этом случае, видимо, выработают отрицательное отношение. Однако данное суждение – предмет отдельного исследования, и можно лишь предположить конкретные результаты.

Весьма интересные результаты, по нашему мнению, были получены при изучении воздействия социального подкрепления на виды интрогенного поведения. Оказалось, что на установку поведения указанного типа действует лишь отрицательное подкрепление. Положительное социальное подкрепление не играет никакой роли при осу-

щественности подобного поведения – положительное подкрепление не может внести изменения в интрогенное поведение.

Чем вызвано влияние отрицательного социального подкрепления на установку интрогенного поведения? Дело в том, что интрогенное поведение в наибольшей мере переживается личностью в качестве «собственного» поведения. Это на самом деле так, и человек знает, что, осуществляя поведение подобного типа, он выносит свое собственное «я» вовне – на обозрение общества, социальной среды. Именно через такое поведение человек выявляет себя. Хотя субъектом любого поведения является сам человек, однако при экстерогенном поведении причину неудачи всегда можно усмотреть в каком-нибудь объективном обстоятельстве, тогда как причину и автора успеха или неудачи интрогенного поведения следует искать в человеке, его реализующем. Все это осознается человеком, и потому он с особой «ответственностью» берется за интрогенное поведение. В случае отрицательного социального подкрепления нарушается гармония между личностью и обществом, а человек в силу своей социальной природы, под влиянием общества или среды приводит в исполнение компенсационное поведение для восстановления равновесия между «я» и обществом.

Таким образом, посредством понятия установки объяснен психологический механизм социального подкрепления. Экспериментально показано, что социальное подкрепление является внешним, социальным, фактором установки и вызывает изменение активности личности путем реорганизации установки, лежащей в основе данного поведения. Полагаем, что, опираясь на полученные экспериментальные данные, можно дать определенные рекомендации и указания в различных сферах взаимоотношений между людьми.

Полученные результаты позволяют заключить, что характер каждого осуществленного человеком конкретного поведения зависит и от позиции окружающих людей. Этот факт необходимо принимать во внимание в связи с правильной оценкой правонарушений. Помимо того, мы нравственно ответственны за поступки друг друга.

Литература

- Надирашвили Ш. А.* Социальная психология личности. Тбилиси, 1975. С. 62–110 (на груз. яз.).
- Узнадзе Д. Н.* Формы поведения человека // Труды Тбилисского гос. ун-та. Тбилиси, 1940. Т. 17. С. 1–39 (на груз. яз.).
- Чавчавадзе Н. Н.* Социальное подкрепление как один из факторов формирования установки: Автореф. дис....канд. психол. наук. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).

- Adams Y. S., Hoffman D.* The frequency of self reference statements as a function of generalized reinforcement // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1960. № 60. P. 384–389.
- Greenspoon T.* The reinforcing effect of two spoken sounds on the frequency of two responses // *American Journal of Psychol.* 1955. № 68. P. 400–416.
- Hildum D. C., Brown R. W.* Verbal reinforcement and interviewer bias // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1956. № 58. P. 108–111.
- Nuthmann A. M.* Conditioning of a response class on a personality test // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1957. № 54. P. 10–23.
- Stevenson H. W., Keen R., Knights R. M.* Parents and strangers as reinforcing agents for children's performance // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. № 67. P. 183–186.
- Taffel C.* Anxiety and conditioning of verbal behavior // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1955. № 51. P. 496–501.

МИР ВЗРОСЛЫХ И МИР ДЕТСТВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

С. Л. Шалаева (Йошкар-Ола)

В современном обществе резко возрастает актуальность исследования различных проблем детства, что непосредственно связано с четким осознанием его роли в существовании и воспроизводстве на содержательном и функциональном уровнях социума и природы человека. Продолжает увеличиваться поток исследований в этой сфере – от культурно- исторической психологии развития, этнографии детства и истории детства – к социологии детства, экологической психологии развития ребенка, социально-генетической психологии, социальной психологии детства, экологии детства и, в соответствии с духом времени, – виртуальной психологии детства. Большой эвристичностью в рассмотрении этих проблем обладает предложенная в культурно-историческом подходе идея связи ребенка со взрослым.

Детство – это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества, это время самого бурного развития человека, которое невозможно без посреднической роли взрослого. Именно взрослый выступает посредником между ребенком и совокупностью социокультурных ценностей, установок, норм, которые определяют условия жизни данного общества и возможность нормально жить в нем. С этой точки зрения отношения взрослых и детей уместнее называть диадой, психологическим симбиозом, так как это – целостная

система, форма организации совместной жизни и деятельности, которая и обеспечивает обеим сторонам процесс взаимной социализации.

Существование такого рода психологического симбиоза неоднократно подмечалось отечественными психологами. Так, Л. С. Выготский подчеркивал, что развивается не сам по себе изолированно взятый ребенок, а целостная система взаимодействия «ребенок–взрослый». Д. Б. Эльконин отмечал, что ребенок познает окружающий мир, строя его образ не своими руками, а руками и ногами взрослого человека. Он говорил также о том, что нет системы «дети и общество» – в этом словосочетании союз «и» выполняет не только соединительную, но и разделительную функцию, а потому теоретически правильным будет выражение «дети в обществе».

Можно сказать, что окружающий мир – это большое общество, состоящее из двух диалектически взаимосвязанных, влияющих друг на друга структур – Мира взрослых и Мира детства. Они взаимодополняют друг друга, не могут существовать друг без друга, помогая друг другу в социализации, обеспечивая своим присутствием и функционированием процесс наследования, передачи социально-исторической памяти, опираясь на которое общество и развивается как целостная структура. Но они и отрицают друг друга, и это отрицание заложено с самого начала противопоставления этих двух структур общества и объясняется их содержательным разнообразием. Отсюда всегда присущий межпоколенному общению «конфликт отцов и детей».

Взаимоотношения Мира взрослых и Мира детства – проблема столь же вечная, как и общество, эти отношения имманентно присущи любому «живому» социуму и они небеспроблемны – сложны и противоречивы, доходя порой до явной парадоксальности (Шалаева, 2006, с. 175–177).

Современное измерение диалектики этих отношений многие исследователи склонны во все большей степени видеть как нарастание конфликтности и кризисности, все более непредсказуемых по своим последствиям. Тяжесть проблемы «отцов и детей» сегодня нарастает и начинает принимать превращенные формы. Сложность и противоречивость этих взаимоотношений в современном обществе начинает осознаваться и обозначается как «уникальная социальная ситуация развития современного детства» (В. В. Абраменкова), «технологизация мира детства» (С. Л. Шалаева) и т. д.

По нашему мнению, существует целый комплекс причин, вызывающих эти последствия, к основным из которых, стоит отнести следующие:

1. В прошлом новое поколение было по численности всегда больше предыдущего. Сегодня наблюдается обратная тенденция – меняется

возрастная структура общества. Уменьшается доля детей и молодежи, увеличивается доля пожилых людей. По сообщению министра образования РФ А. Фурсенко, если в 2000 г. в России было около 21 миллиона школьников, то в 2006 г. их уже всего 16 миллионов. Доля детей в возрасте до 15 лет в общем количестве россиян сократилось с 23% в 1990 г. до 15% в 2005 г. (Селезнев, 2006). Старение населения, меньший динамизм более старших возрастных групп будет порождать существенные расхождения между поколениями в вопросах общественных и культурных нововведений и подталкивать молодое поколение к выбору более экстремальных форм убеждения становящегося все более консервативным мира взрослых. Проявление этого феномена мы уже наблюдаем в росте неонацизма в России и Европе, росте радикализма молодежи во Франции, бунтах «гарлемной» молодежи во Франции, Германии, Голландии и т. д. В ряду этих процессов – серия «цветных» революций на постсоветском пространстве на Украине, в Молдове, Киргизии и вновь очень ярко – в Молдове, а еще раньше в Болгарии, Сербии и других странах Восточной Европы, главным инструментом, движущей силой которых стали протестные настроения молодых поколений.

2. Системный кризис, охвативший общество, не может не затронуть и семью как важнейший социальный институт. Кризис традиционной формы семьи проявляется в структурном и функциональном аспектах:

- Растет число разводов (распадается более 50% браков).
- В российском обществе сегодня более 30% неполных семей.
- Увеличивается количество незарегистрированных браков. По статистике незарегистрированным в России является каждый второй-третий брак людей в возрасте до 20 лет, каждый пятый – в возрасте до 24-х. Среди тех, кто старше 25 лет каждый десятый не намерен зарегистрировать свой брак. 80% таких браков распадается (Иванова, 2008).
- Около половины российских женщин рожают своего первого ребенка не вовремя. А. П. Милованов (2006), доктор медицинских наук, член-корреспондент РАЕН, зав. лабораторией патологии женской репродуктивной системы ГУ НИИ АМН России, подчеркивает: «Сейчас среди женщин репродуктивного возраста сложилась парадоксальная ситуация. Возникли своего рода два полюса: рожают либо до наступления необходимой зрелости, либо на границе репродуктивного возраста. В 20 лет женщина либо учится, либо ищет работу. Семью и более или менее устойчивое положение женщина обретает

к 25–26 годам. К этому времени у большинства за спиной оказываются 2–3, а то и более аборт. Из 40 миллионов женщин репродуктивного возраста бесплодны более 6 миллионов, т. е. каждая пятая женщина не способна стать матерью» (Букин, 2006, с. 5).

- Растет бездетность семьи по объективным причинам, в связи с ухудшением репродуктивного здоровья населения (сегодня в России 15% семейных пар, т. е. 5 миллионов семей бесплодные) (Бирючева, 2007), а также субъективным, когда пара делает сознательный выбор в пользу бездетности и подводит под это глобальную теоретическую базу (течение *childfree*).
- Сокращается число детей в семьях. Половина семей в стране не имеет детей, 34% имеют одного ребенка, 15% – двоих детей (Азарина, 2008). По мнению специалистов, появление ребенка в семье автоматически понижает ее материальный статус. В нашей стране каждая вторая семья с одним ребенком живет ниже прожиточного минимума, среди семей с двумя детьми таких уже 65%, с тремя – 85% (Шило, 2006). Происходящий сегодня мировой финансовый кризис наверняка увеличит эти показатели.
- Резким изменениям подвергается процесс общения родителей и детей. И здесь тоже видны два полюса, с одной стороны, недостаток внимания, равнодушие, приводящие к депривации, с другой, нарастающая волна насилия. По данным Генпрокуратуры в России ежегодно от рук родителей погибают до двух с половиной тысяч детей (Доклад Совета Федерации «О положении детей...», 2006). Особые грани этой проблемы можно зафиксировать в современном западном обществе. Здесь особо обращает на себя внимание политика двойных стандартов, развитая в американском обществе, в отношении контроля и наказания преступлений родителей против приемных детей, например, детей из России и стран третьего мира. Усыновленный ребенок все чаще рассматривается приемными родителями в качестве семейной игрушки, средства государственных субсидий и подъема своего статуса в обществе.

Даже психологическое насилие, когда ребенок жертвует своими насущными потребностями и чувствами в угоду ожиданиям или страхам родителей, известный психолог Дж. Боулби называет «патогенным родительским воспитанием» и подчеркивает, что мир для таких детей становится двусмысленным, неопределенным и всегда опасным, а ребенок, обойденный вниманием родителей, постоянно ищет острых

ощущений. Не отсюда ли нарастающий вал интереса современной молодежи к экстремальным видам развлечений – дайвинг, рафтинг, парасалинг, параглайдинг, геокэшинг (поиски кладов), уличные или ночные гонки, паркур и др.? Очевидно, именно поэтому линейка туристических предложений включает в себя услугу «Активный, экстремальный отдых», пользующуюся сегодня немалой популярностью.

Случаи прямого насилия заставляют ребенка либо жить в ожидании очередного насилия, становясь жертвой и провоцируя на агрессивность по отношению к нему, либо в самом ребенке накапливается внутреннее напряжение, озлобленность, грубость и уже собственная агрессивность. И возникает то, что специалисты называют «кольцом насилия». Не здесь ли истоки роста моды на хеппи-слэппинг (видеосъемка избиения сверстников и размещения их в Интернете) и растущая преступность в детской среде? По данным министра внутренних дел Р. Нургалиева, за 11 месяцев 2006 г. в России совершили преступления 135 тысяч несовершеннолетних, тем самым подводя нас к выводу: каждый десятый преступник в России – подросток (Селезнев, 2007).

Выделенные нами причины объясняют изменяющиеся взаимоотношения Мира взрослых и Мира детей и указывают на наличие и отчасти причинную обусловленность взаимоотноуждения детей и родителей, разрушения этого многими веками существующего симбиоза.

В рейтинге социальных институтов, на фоне кризиса семьи и распада детского сообщества, на 1 место выходят средства масс-медиа, которые активно вторгаются в интимный мир личности и пропагандируют гедонистическое отношение к жизни, закрепляют состояние бездумного потребительского отношения к искусству, потреблению вещей (Шалаев, 2005; Шалаев, Шалаева, 2007). Масс-медиа принадлежит особая роль в мистификации массового сознания, манипулировании им, порождении мифов и иллюзий, симуляторов – всего того, что определяется как «ложное сознание». В этих условиях передача социокультурного опыта идет уже не от старших поколений к младшим, «из рук в руки», а опосредуется информационной средой, прежде всего, через экранную плоскость.

Дети отражают, повторяют и воспроизводят в себе общую атмосферу становящейся глобальной цивилизации потребления, устремленной к индивидуальному успеху, культу телесного над духовным, кристаллизуя в своем воспитании ценности потребительства, индивидуализма, прагматизма, эгоизма, доминирующих над способностью к суждению, альтруизмом, обществом как ценностью, творчеством, традиционной моралью в целом. Дети во все большей степени становятся плацдармом победы технологизма и инструментализма над гуманитарностью и духовностью (Шалаева, 2005).

Либерализация отношений взрослых и детей, а также идеи детоцентризма, широко распространившиеся в XX в., ослабили контакты между поколениями, возвели детство и его черты на пьедестал референтности. Психологи заговорили о синдроме Питера Пена у взрослых людей, а в Мире взрослых распространяется джейнизм как социальная установка на высокую оценку молодости, моду «быть молодым» и дискриминацию пожилых людей. Начинает распространяться модная техника движений – метод Фельденкрайза (фельденкрайз), предназначенная для восстановления взрослым человеком естественной грации и свободы движений, которой обладают все маленькие дети, чтобы двигаться с минимумом усилий и максимумом эффективности.

В 1988 г., когда впервые была переведена на русский язык и издана работа «Культура и преемственность» Маргарет Мид, с трудом верилось в возможность прихода префигуративной культуры взаимоотношений взрослых и детей. Сейчас ее слова, написанные еще в 60-х годах XX в., поражают гениальностью предвидения: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ.

Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так и будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно» (Мид, 1988, с. 361).

Жутковатое предсказание сбывается? Феномен детства, определяющий будущее любого общества, становится ноуменом современной эпохи глобализации и постмодернизма. Социальный субъект детства в этой ситуации становится субъектом без социокультурной почвы, приобретая характер ризомы, явно неопределенной в своих внешних границах и совершенно непонятной по своей сущности.

К сожалению, конфликтность отношений двух социокультурных миров в одном обществе продолжает нарастать. Специфика этой конфликтности в том, что ситуация становится все более неконтролируемой и непредсказуемой по своим последствиям. В ней особое место и все усиливающуюся роль приобретают процессы хаотического и случайного характера. Их конкретное воплощение чрезвычайно трудно описать в общепринятых понятиях, на основе сложившихся научных парадигм описания социальной реальности и управления ею.

Тем самым к числу наиболее существенных и фундаментальных вызовов человечеству в ближайшую глобальную эпоху можно отнести проблему гармонизации межпоколенных отношений. В противном случае порожденная человечеством в эпоху глобального общества и высокого материального потребления глобализационная форма детства и связанные с ней социальные последствия (технологизация мира детства, индивидуализация поколений и индивидов, их нарастающий эгоизм и, как следствие, рост социокультурных дистанций, потребительство поколений, дозированное родительство и т. д.), могут стать фатальными для порождаемой глобализацией формы культуры и цивилизации.

Детство, рожденное цивилизованным человечеством на вершине его глобального развития, принимая превращенные формы, способно при определенных условиях выступить решающим фактором завершения человеческой истории. Любая малая флуктуация в ситуации внутренне неустойчивого, нестабильного общества может стать решающей для продления человечества. Данный вызов тождествен вопросу сохранения человеческой цивилизации в ее состоявшейся форме, а потому одной из центральных задач активно развивающегося научного знания становится фиксация проблемы межпоколенных отношений и ее практического освоения на основе принципа гармонизации.

Литература

- Абраменкова В. В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.-Воронеж: МОДЭК, 2000.
- Азарина Н.* Подвиг, которого не заметили // *Семья*. 2008. № 36. С. 11.
- Бирючева О.* «Он снится мне каждую ночь...» // *Марийская правда*. 20 ноября 2007. С. 9.
- Букин А.* Рожать надо вовремя // *Семья*. 2006. № 24. С. 4–5.
- Доклад Совета Федерации «О положении детей в Российской Федерации» (в изложении) // Парламентская газета*. 2006. 2 июня. С. 1–2.
- Иванова Н.* Гражданский брак не сдает позиции // *Семья*. 2008. № 20. С. 7.
- Мид М.* Культура и мир детства // *Избр. произведения*. М.: Наука, 1988.
- Селезнев В.* Детей в России стало меньше // *Семья*. 2006. № 10. С. 1.
- Селезнев В.* Нищие дети // *Семья*. 2007. № 6. С. 2.
- Шалаев В. П.* Синергетика социального управления. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005.
- Шалаева С. Л.* Детство в ситуации постмодерна // *Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки*. Кн. 1. Казань, 2006. Т. 148. С. 169–182.
- Шалаева С. Л.* Социально-онтологический статус в системе общества // Йошкар-Ола: МГПИ, 2005.

Шалаев В. П., Шалаева С. Л. Феномен детства в контексте бифуркационной природы социальных революций (синергетический аспект) // *Детство в глобальном информационном пространстве // Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации».* СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. С. 383–388.

Шило О. Катастрофа в «стране детства» // *Семья.* 2006. № 22. С. 4–5.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ К УСЛОВИЯМ АРМИИ

Т. Н. Шорохова (Курск)

Молодой человек в условиях прохождения срочной службы, попадая в негативную обстановку, сталкиваясь с неуставными отношениями, не может полноценно адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности. Постоянное нахождение в стрессовых ситуациях формирует у него устойчивое отрицательное отношение к воинской службе, которое может распространиться на Вооруженные Силы в целом. Подобная ситуация, порождающая социальные представления об армии, приводит к тому, что у достаточно большого числа молодежи формируется неприятие воинской службы.

Относительно термина «социально-психологическая адаптация» существует множество точек зрения. В своем исследовании будем придерживаться следующего наиболее полного, развернутого определения. Социальная адаптация – «интегративный показатель состояния человека, отражающий его возможности выполнять определенные биосоциальные функции: адекватное восприятие окружающей действительности и собственного организма; адекватная система отношений и общения с окружающими; способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха; способность к самообслуживанию и взаимобслуживанию в семье и коллективе; изменчивость (адаптивность) поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других» (Большой психологический словарь, 2006, с. 22).

Специфика социально-психологической адаптации военнослужащих, а именно, новобранцев, определяется тем, что они находятся в ситуации двойных изменений: как граждане РФ (непрекращающаяся модернизация общества и отдельных его социальных институтов) и как военнослужащие (в условиях непрерывного реформирования Вооруженных Сил).

Молодые люди, призванные на службу, – это та молодежь, которая еще вчера сидела за школьными партами, в профессиональных училищах, средних специальных и высших учебных заведениях. В период их обучения многие (педагоги, психологи, родители и др. социальные агенты) оказывали им социальную и психологическую поддержку и помощь. Однако данная работа, ориентированная, в первую очередь, на адаптацию к новым условиям в процессе прохождения воинской службы, в условиях армии не проводится.

Призывники в условиях прохождения срочной службы находятся в условиях относительной изоляции от социума. Поэтому процесс адаптации к новой для них социальной среде протекает особым образом. В первую очередь, молодой человек сталкивается с рядом сложных ситуаций, которые до этого времени не являлись для него актуальными. К числу таких проблем можно отнести: необходимость взаимодействия с другими людьми в рамках воинского Устава; специфика трудовой и учебной деятельности; регламентированность жизнедеятельности в период прохождения воинской службы; статусно-ролевая субординация; повышенная требовательность (со стороны старших по званию) к морально-психическим качествам; стрессогенные факторы, влияющие на функциональные состояния (работоспособность, утомление, монотонию и т. д.) молодых людей при выполнении боевых задач; однообразии, инвариативность каждодневной деятельности.

Термин *«социальный оазис»*, предложенный А. С. Чернышевым и широко используемый его учениками и последователями, на наш взгляд, является продуктивным для осмысления тех изменений, которым подвержены молодые люди в условиях Вооруженных Сил. Так, А. С. Чернышев полагает, что в «социальных оазисах» целесообразно наряду с существующими направлениями психолого-педагогической практики выделить новое направление – «социальное обучение», которое он понимает как формирование знаний, умений и навыков конструктивного взаимодействия с людьми на межличностном и социальном уровнях, направленного на достижение разнообразных, общественно значимых целей» (Чернышев, 2008, с. 67). По его мнению, актуальность «социального обучения» обусловлена, прежде всего, крайне неразвитыми социальными умениями современных юношей. «Неспособность конструктивно вступить в контакт, наладить гибкий диалог со сверстниками и особенно старшими, определить свою личностную позицию в социуме, отсутствие элементарных представлений о способах эмоциональной саморегуляции – все это порождает неадекватные защитные реакции молодых людей. Проблемы усугубляются при включении в новую социальную среду» (Чернышев, 2008, с. 67).

В течение последних полутора лет осуществляется планомерная диагностика молодого пополнения на базе войсковой части Курского гарнизона. В декабре 2008 г. проведено очередное исследование с целью изучения особенностей адаптации солдат срочной службы (призыв II-08) к условиям армии. Всего было опрошено 42 военнослужащих в возрасте от 18 до 26 лет.

В результате исследования было выявлено, что 52,4% солдат-респондентов испытывают трудности в армии. Из них 45,2% военнослужащих испытывают трудности, но стараются справляться с ними самостоятельно и 7,2% – в большинстве случаев не справляются и никак не могут адаптироваться к условиям службы в своей части. Кроме того, 42,9% из числа опрошенных солдат срочной службы сообщили, что чувствуют себя в армии подавленными и одинокими. Данный показатель может свидетельствовать как о наличии внутреннего эмоционального напряжения в коллективе военнослужащих (что, в свою очередь, не может не сказаться на психологическом состоянии каждого военнослужащего в отдельности), так и о наличии трудностей, с которыми столкнулись молодые люди при прохождении службы в армии: не хватает общения и поддержки родственников (40,5%); новый рацион питания (35,7%); не могут привыкнуть к новому распорядку дня (23,8%); унижение личного достоинства (16,7%); конфликты между солдатами (14,3%); большой объем требований (7,1%); слишком большие физические нагрузки (4,8%); жесткие правила поведения и дисциплины (4,8%); условия проживания (4,8%). При более подробном анализе выявлено, что не испытывают трудностей в армии только 9 солдат из числа опрошенных, что составляет 21,4%.

На общее самочувствие солдат в воинской части влияет осложненная адаптация в новом коллективе, взаимодействие с офицерами и сослуживцами. Как показывают результаты анкетирования, в большинстве случаев, у 76,2% солдат отношения с офицерами нейтральные, бесконфликтные; у 14,3% – хорошие, основанные на взаимопонимании и только у 7,1% – отличные отношения, позволяющие им быстро найти общий язык с офицерами. Однако у 2,4% служащих отношения с другими солдатами и офицерами сложные и напряженные. Как и любой процесс, адаптация имеет свою динамику, поэтому периодически между солдатами срочной службы и офицерами все же возникают предконфликтные ситуации, которые не обязательно перерастают в открытый конфликт. Среди основных причин таких предконфликтных ситуаций с офицерами 11,9% военнослужащих называют индивидуальные психологические особенности офицера (характер, манера общения, привычки и т. п.); 7,1% – непонимание друг друга и 4,8% – большой объем требований со стороны офицера.

Несколько иначе складываются отношения с сослуживцами. Так, 42,9% солдат считают свои отношения отличными и говорят, что нашли много друзей; 35,7% респондентов оценивают данные отношения как нейтральные, бесконфликтные; 19% – отмечают их как хорошие, основанные на взаимопонимании и 2,4% – сложные, напряженные. Причинами возникновения конфликтных ситуаций с сослуживцами считают: 19% – индивидуальные особенности сослуживца (характер, манера общения, привычки); 14,3% – самоутверждение, желание доказать свое «лидерство»; 11,9% – непонимание друг друга; 4,8% – эмоциональное напряжение в коллективе.

Каждый второй опрошенный военнослужащий (50%) считает, что введение дополнительных занятий спортом, свободный доступ в спортзал могли бы улучшить их пребывание в армии; 31% солдат считают необходимым условием улучшения обстановки в воинских коллективах организацию досуга и проведение мероприятий, способствующих сплочению солдат (16,7%).

Немаловажный фактор адаптации в новом коллективе – это умение налаживать психологический контакт и строить доброжелательные взаимоотношения с учетом индивидуальных особенностей другого человека. На вопрос о том, насколько легко они умеют это делать, 35,7% опрошенных солдат ответили, что им необходимо время, чтобы привыкнуть к человеку, прежде чем они смогут полноценно общаться. При этом 33,3% военнослужащих считают себя достаточно общительными людьми, а 26,2% отмечают, что очень легко сходятся с окружающими.

С учетом полученных результатов диагностики солдат срочной службы войсковой части Курского гарнизона, рекомендованы мероприятия по улучшению социально-психологического климата в воинских коллективах, снятию эмоционального напряжения у военнослужащих и профилактике негативных явлений в воинских коллективах.

С этой целью была создана специальная социально-психологическая программа «Навыки общения в мире людей», основными задачами которой стали меры, ориентированные на помощь молодым людям-военнослужащим: в решении проблем адаптации к новым условиям, налаживании взаимоотношений с окружающими людьми, профилактике конфликтов, обучении приемам снятия эмоционального напряжения и др. Программа реализуется в три этапа: диагностический – определение круга вопросов для дальнейшей психологической работы; лекционный – обсуждение актуальных проблем, возникших при прохождении воинской службы; практический – обучение приемам разрешения возникших проблем.

Планомерная и целенаправленная социально-психологическая работа (в соответствии с Руководством по психологической работе в Вооруженных Силах РФ) по данной программе осуществляется с ноября 2007 г. на территории войсковой части Курского гарнизона. За период с ноября 2007 г. по декабрь 2008 г. проведено 28 занятий, их участниками стали 264 военнослужащих в возрасте от 18 до 26 лет. С помощью приемов наблюдения, анкетирования и опроса личного состава удалось выявить, что первостепенное значение как для солдат срочной службы, так и для офицерского состава имеют: поддержание здорового и управляемого морально-психологического состояния личного состава войск; укрепление дисциплины, организованности и сохранение работоспособности воинов; снижение числа негативных явлений в период прохождения воинской службы (неуставных взаимоотношений, самовольного оставления части, суицидальных действий, наркомании и алкоголизма военнослужащих).

Таким образом, в рамках реализации программы было выявлено, что адаптация молодежи к особым условиям жизнедеятельности является актуальным, насущным вопросом, требующим дальнейшего исследования и поиска оптимальных путей, способствующих решению возникающих проблем.

Литература

Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006.

Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А. Социальная психология // Учеб. пособие. М.: Форум; ИНФРА-М, 2006.

Чернышев А. С. Реализация лидерского потенциала социально-одаренных детей (экспериментальный подход) // Вестник практической психологии образования. 2008. № 2 (15). С. 64–69.